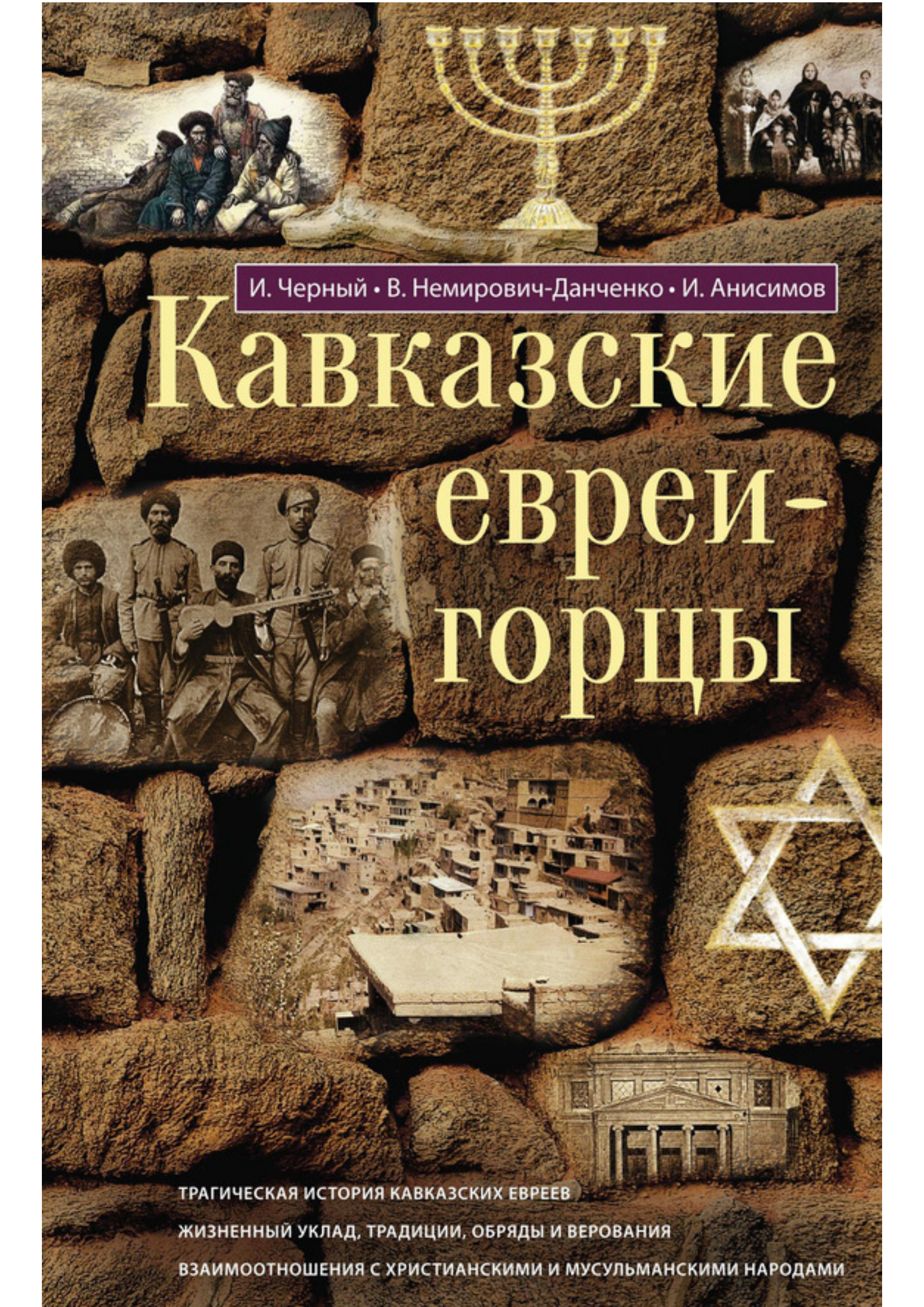

И. Черный • В. Немирович-Данченко • И. Анисимов

Кавказские еврей- горцы

ТРАГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КАВКАЗСКИХ ЕВРЕЕВ

ЖИЗНЕННЫЙ УКЛАД, ТРАДИЦИИ, ОБРЯДЫ И ВЕРОВАНИЯ

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ХРИСТИАНСКИМИ И МУСУЛЬМАНСКИМИ НАРОДАМИ

Василий Немирович-Данченко

**Кавказские еврей-
горцы (сборник)**

«Центрполиграф»

УДК 392
ББК 63.5

Немирович-Данченко В. И.

Кавказские евреи-горцы (сборник) / В. И. Немирович-Данченко — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-227-06630-5

История евреев на Кавказе восходит к глубокой древности и теряется в тумане литературных и устных преданий. Современные евреи Кавказа сохранили весьма смутные воспоминания о своем происхождении. Но, как свидетельствуют путешественники XVIII и первой половины XIX века, среди евреев Кавказа была еще жива легенда, что они потомки десяти колен Израилевых, поселенных в Мидии ассирийскими царями. Российские этнографы-путешественники, очерки которых вошли в этот сборник, собрали интереснейшие исторические, этнографические и статистические сведения, интересные любознательному читателю и сегодня.

УДК 392
ББК 63.5

ISBN 978-5-227-06630-5

© Немирович-Данченко В. И.
© Центрполиграф

Содержание

Горские евреи Терской области. Краткие исторические сведения 1869	5
От автора	8
Глава 1	12
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	29
Воинствующий Израиль. Неделя у дагестанских евреев. 1880	38
От автора	39
Глава 1	40
Глава 2	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

**Василий Иванович Немирович-
Данченко, Илья Анисимов, Иуда Черный
Кавказские евреи-горцы (сборник)**

**Горские евреи Терской области.
Краткие исторические сведения 1869**

Иуда Черный

Иосиф-Иуда бен Яков Черный (Иосиф Яковлевич Черный, Иуда Черный) – российский путешественник-этнограф, известный изучением евреев Кавказа.

Черный публиковал свои исследования в нескольких еврейских изданиях: *Ha-Maggid*, *Ha-Karmel*, *Ha-Meliz*, *Neueste Post* и пр. Он написал ряд статей о жизни дагестанских, бухарских и персидских (иранских) евреев; описывая их тяжелое экономически-правовое положение, а также их низкий, с точки зрения ашкеназов, культурный уровень.

Черный путешествовал по Кавказу и Закавказью более 10 лет, после чего вернулся в конце 1879 года в Одессу, чтобы привести в порядок и опубликовать накопившийся у него ценный историко-этнографический материал.

Однако туберкулез горла, от которого Черный умер в 1880 году в Одессе, не дал ему возможности закончить труд, и Черный перед смертью завещал весь собранный им материал Обществу просвещения, на средства которого под редакцией Авраама Яковлевича Гаркави была опубликована в двух частях лишь та часть материалов Черного, которая имеет непосредственное отношение к быту и истории кавказских евреев. Эти документы можно разделить на две категории: 1) собранные путешественником письменные памятники кавказских евреев, относящиеся к последним трем векам; 2) устные рассказы туземцев об их прошлом

и имеющие значительный этнографически-бытовой интерес собственные наблюдения Черного над экономическим, религиозным и духовным бытом горских евреев.

От автора

Из многих известных мне ученых, исследовавших Кавказ в этнографическом отношении, не оставляя без внимания самые незначительные племена, ни один не вспомнил о кавказских евреях. Между тем их образ жизни, нравы, обычаи, верования и предрассудки, отличающие их от соплеменников в Европе, и положение, занимаемое ими между полудикими племенами, обитающими в горах Кавказа, представляют много любопытного. С целью исследования истории этого забытого почти всеми учеными народа я предпринял путешествие по Кавказу и Закавказскому краю в надежде, что труды мои не останутся без пользы как для правительства, так и для любителей истории и этнографии.

По преданиям горских еврейских обществ, обитающих в Терской области, выходит, будто они потомки пленников Салманасара, ассирийского царя, выведенных им из Самарии и поселенных в Ассирии, Колхе, на реке Гозане и в старой Мидии еще во времена существования 1-го храма Соломонова в Иерусалиме в 9-м году царствования Осии, царя Израильского, или в 6-м году царствования Иезекии, царя Иудейского, около 720 лет до Р. Х. Из старой Мидии они переселились в Ширвань. По случаю разных преследований и угнетений ширванских и персидских владетелей они вынуждены были искать пристанища в Дагестанских горах, где и жили долгое время в Джугуд-Катте, развалины которого сохранились донныне у подошвы горы, омываемой небольшой речкой Нукерой на расстоянии одного часа верховой езды от селения Маджалиса в Кайтаго-Табасаранском округе. Жестокие гонения горцев вынудили евреев покинуть и это пепелище и спастись бегством в горы и леса дагестанские; многие из них прибегли к кумыкским князьям и были приняты ими на различных условиях в Андреевской деревне, находящейся в урочище Ачи-Коль при реке Акташ (в 12 верстах от Хасавюрта). Это было около 1618 года, вероятно, при Казаналине и Айдемире – двух сыновьях султана Мута, первых из тогдашних кумыкских владетелей. Образ жизни, положение и занятия евреев в Джугуд-Катте и Ширване оставили мало следов в памяти их нынешних потомков, потому что все книги и письменные их документы были разграблены и истреблены горцами.

Что же касается до положения их в Андреевской деревне от начала переселения туда до занятия кумыкской плоскости русскими войсками в 1819 году, то они там были в зависимости от князей и узденей кумыкских, у которых искали защиты от воинственных коренных жителей страны. Так, евреи не имели права участвовать в совещаниях по делам аульного общества, не могли строить и покупать домов, а проживали в дворах кунакбаев (хозяев или патронов), во всех своих делах, как то: по убийствам и по ранениям, по взысканию долгов, по покражам и т. и. они добивались материального удовлетворения не сами лично, но через своих кунакбаев и покровителей, одним словом, они со своими семействами и имуществом находились в полном подчинении своим покровителям, ибо лишь те из них, у кого были сильные и добросовестные защитники, могли безопасно жить между туземцами, успешно вести свои торговые дела.

Евреям воспрещалось ездить верхом, носить хорошую одежду, особенно шелковую, и вообще им причинялось много страданий от местных жителей; их синагоги были несколько раз разрушены и разграблены. Когда они хоронили умершего, мусульмане раскапывали в ночное время могилу и обирали что было на мертвеце. Если вор подкапывался под дом еврея, обворовывал его и, уходя, забывал там свой топор, то наутро приходил отец вора и требовал у еврея возвращения топора, оставленного его сыном ночью; еврей должен был беспрекословно исполнить это требование, но не смел заикнуться при этом о возвращении ему украденного его имущества из боязни навлечь на себя еще большие неприятности от род-

ственников и друзей вора, повредить на будущее время своей торговле, наконец, из страха покушения на свою и целого семейства жизнь.

Евреи занимались тогда торговлей, содержанием мясных лавок и выделкой козловых шкур. Повинности, отбываемые ими кумыкским князьям, заключались в следующем: с привозимого евреями товара из Персии, Грузии, Кабарды, Кизляра, Брагуновской и Староюртовской деревень взималось по 2 руб. 50 коп.; с каждого приезжавшего с товаром из Персии, Грузии и Кабарды еврея по 1 руб. 50 коп. на каждую арбу. С приезжавших без товара и приходивших для свидания с родственниками и по другим надобностям князья получали с каждого человека: из Дербента, Кизляра, Грузии и Кабарды по 1 руб. 20 коп., а из Каракайтага по 50 коп. С привозимого из Тавлии вина для домашнего употребления от каждой бочки по 2 руб. 20 коп. Еврей, находившийся некоторое время в других деревнях для зарабатывания себе хлеба, при возвращении домой должен был дать князю 1 руб. 25 коп.

Кроме повинности князьям евреи отбывали повинности своим хозяевам. С покупаемых евреями лошадей хозяин квартиры получал 25 коп. за каждую, за корову и за ишака по 20 коп. Хозяин дома получал от еврея, имевшего дочь-невесту, пять лет сряду по 20 коп. в год: по смерти же Али-султана хозяева брали по 3 руб. в год. С невесты, вышедшей замуж, хозяева пользовались, впрочем, не всегда одинаково, от 2 до 4 руб.

По завоевании русскими войсками кумыкской плоскости евреи подали просьбу о принятии их под покровительство России и этим много себе повредили, ибо навлекли на себя негодование и презрение кумыкских жителей, которые стали их сильнее притеснять и принудили наконец в 1822 году прибегнуть с просьбою к генералу Ермолову о разрешении им выселиться из кумыкского в чеченский округ, на что Ермолов не согласился, находя невозможным лишить кумыкских князей получаемых с евреев доходов. Таким образом, бедные евреи оставались в самом жалком положении в Андреевской деревне до 1831 года, то есть времени возмущения Кази-муллы.

В этом же году партия Кази-муллы, состоявшая из 7000 человек, напала на Андреевскую деревню; жители передались неприятелю, евреи при этом пострадали, лавки их и имущество были ограблены неприятелем и взбунтовавшимися андреевцами, несколько евреев было убито и взято в плен. После такого погрома евреи со своими семействами и хозяйством перешли в крепость Внезапную, заложенную генералом Ермоловым в 1819 году на возвышенном месте напротив Андреевской деревни, за рекою Акташем. Здесь евреи вместе с русским гарнизоном выдержали в самое жаркое время августа месяца 14-дневную осаду, претерпевая крайнюю нужду в пище и питье. Так как река была занята с обеих сторон неприятелем, евреи поместили свои семейства в вырытых ими ямах для охлаждения и утоления жажды и вместе с солдатами, одинаково с ними изнуренными, молились Богу и оглашали улицы крепости воплями. И теперь еще жители рассказывают, что в последний день осады пошел проливной дождь, все ямы были наполнены водой, так что осажденные были обеспечены на продолжительное время. Евреи приписывают этот случай тому, что Бог услышал их молитвы и умилился над ними. Затем подоспевший отряд Эммануэля заставил Кази-муллу с его партией удалиться.

По оставлении Андреевской деревни евреи разделились на кумыкской плоскости в укреплении Хасавюрт, в деревнях Аксае или Таш-Кичу и Костеке; в чеченском округе — сначала в Староюрте, а потом в Грозном; в Кабардинском округе — в Нальчике. По миновании смут, причиненных Кази-муллою и новых их переселений, некоторые семейства евреев, соскучившись по родине, возвратились опять в Андреевскую деревню и через несколько лет оставили там еще раз порядочную общину. Но им вторично пришлось испытать нашествие неприятельской шайки, которая, ворвавшись в Андреевскую деревню, убила 3 евреев, 11 человек взяла в плен с их имуществом; кроме того, на общину было наложено 200 руб. серебром ежегодной подати. Генерал-лейтенант Вельяминов, командовавший в то время войсками

на Кавказской линии и Черномории, входя в положение евреев, сделал распоряжение, чтобы не стеснять их в промыслах, а, напротив, оказывать им всевозможное покровительство и защиту.

Аксаевские евреи рассказывают, что, когда они переселились в Аксай, владельцем там был Муса Хасаев, один из аксаевских князей, который жестоко обходился с евреями, не заступался за их обиды, не обращал внимания на то, что многие из них были убиты мусульманами-соседями, не доверял свидетелям из евреев и не допускал их к присяге; словом, чем только мог, преследовал и притеснял их. Примером этого Мусы Хасаева руководствовались и его последователи. Подобно аксаевским евреям страдали евреи и в Костеке от костековских князей и тамошних мусульманских жителей.

В 1845 году аксаевские евреи обращались с просьбою о покровительстве и защите к русскому правительству. Грозненские евреи рассказывают, что они жили прежде в Староюрте, но некий Уда-мулла напал на них с шайкою хищников, ограбил их имущество, 20 человек убил и многих взял в плен. Это обстоятельство заставило их убежать из Староюрта в крепость Грозную, начальник которой их принял и указал им место для поселения.

В смутные и тревожные времена Шамиля евреи страдали от преследований и угнетений своих владельцев и местных жителей и от постоянного нападения на них скопищ Шамиля, которые грабили их, убивали и увозили в плен. В эту тяжелую эпоху евреи окончательно разорились; многие из них, оставив свои семейства без всяких средств к пропитанию, сами скитались с места на место по своим братьям, выпрашивая у них денежное пособие для выкупа своих пленников из рук тиранов. Страдальцы эти, оплакивая постоянно свою горькую участь, поневоле привыкли ко всевозможным несчастьям, связанным с иноплеменным игом, и наконец делались равнодушными к ударам судьбы.

Со времени учреждения в кумыкском народе главного пристава и городского Андреевского суда, что совпадает с занятием плоскости русскими войсками, положение горских евреев стало мало-помалу улучшаться, потому что личная их безопасность и имущественные права ограждались приставами, в городском суде стали приниматься к разбирательству, по шариату и кумыкскому адату, уголовные, исковые и тяжёбые дела евреев с туземцами. Евреи начали вместе с туземцами отбывать некоторые общественные повинности, вносили деньги на наем бегаулов (десятников), ночных караульщиков, нарочных для возки бумаг в тревожное время, принимали также участие в исправлении дорог и мостов и т. и.

После падения власти Шамиля последовали распоряжения правительства, имеющие в виду поставить горских евреев наравне с массою кумыкского народонаселения, избавив их от прежних угнетений и тягостных и унижительных налогов. В 1860 году введены правила для судопроизводства в народных судах, по которым дела евреев изъяты от шариатского разбирательства, потом последовало предписание начальника Терской области от 30 июня 1866 года, по которому дела евреев с туземцами в случае ответственности евреев должны разбираться в слободских управлениях, а не по адату; словом, евреи в юридических правах своих уравниены теперь с туземцами, наравне со всеми участвуют в делах общественных и в слободских управлениях, имеют своих депутатов с правом голоса, только к совещаниям по делам аульных обществ не допускаются и до сих пор.

Дела их разбираются: а) по русским законам: уголовные, исковые, тяжёбые и полицейские, возникающие между евреями, русскими и горцами; б) по кумыкскому адату: исковые и тяжёбые между евреями и горцами, когда ответчики-туземцы или обе стороны не сойдутся через посредников; в) по уставам и обрядам еврейской веры: дела, касающиеся до веры и совести, по бракам и разводам, по опеке маленьких сирот и слабоумных, по неповиновению детей родителям и вообще по несогласиям между членами семейства: разбирают

их раввины по 4 книгам: Шулхан-Арух, Хотен-Мишпат, Эбен-Эзер и Иоре-Деа, имеющие силу законов по еврейской религии.

Евреи только недавно начали заниматься постройкой домов и мельниц, и то не все, а преимущественно состоятельные люди. Так, в Хасавюрте и Грозном есть хорошие еврейские дома и лавки; вообще же евреи занимаются охотнее торговлею красным и мелочным товаром, выделкой сафьянов, разведением фруктовых и виноградных садов, для которых потребное количество земли арендуют у землевладельцев на разных условиях или приобретают покупкою. Земледелием и скотоводством не занимаются вовсе, почему и не имеют поземельной собственности; те же из них, кто держит для домашней надобности верховых лошадей, дойных буйволиц и коров, пользуются общими аульными и слободскими выгонами и пастбищами; а необходимые жизненные припасы покупают у туземцев и русских на деньги или выменивают на мелкие товары.

Глава 1

Горские евреи. Их жилища, гостеприимство, пища и напитки

Горские евреи, живущие с незапамятных времен между горскими племенами Кавказа, отличаются весьма резко от всех своих европейских соплеменников нравами и обычаями, которые они позаимствовали у своих соседей-горцев, живя между ними в течение веков и даже тысячелетий. Во время моего двухлетнего путешествия по Прикаспийскому краю и Терской области я по мере возможности изучал быт этих моих единоплеменников: их образ жизни, обычаи, нравы, обряды, верования и предрассудки, я также собирал их легенды, сказки и национальные песни. В предлагаемой статье я представляю собранные мною этнографические заметки о быте этих горских евреев, так еще мало известном, причем надеюсь, что труд мой не будет оставлен без внимания любителями истории и этнографии.

По приезде моем в первый раз в г. Дербент тамошний главный раввин указал мне квартиру в доме одного богатого еврея, в еврейском магале. Квартира эта была довольно порядочная, во втором этаже, с азиатским убранством, то есть стены ее были покрыты шелковыми одеялами и коврами, на них висело много зеркал самой простой персидской работы, и между зеркалами висели шелковые шали. Под верхним карнизом сделаны были длинные полки, на которых расставлена была разная посуда – фаянсовая, медная и стеклянная; под полками висели тарелки и медные подносы, круглые, больших размеров; тарелки и подносы навешены были на тоненьких нитках, для того чтобы казалось издали, что они висят на воздухе. Пол был устлан персидскими хорошими коврами. Собственно для меня хозяин достал где-то стол и стулья, но спать все-таки пришлось мне по-азиатски – на хорошей постели на коврах. Такую роскошную квартиру я имел в Дербенте, но мне пришлось побывать в еврейских саклях и в горах. Вот как они устраиваются и убираются.

Все сакли в Южном Дагестане и в Терской области, также в Нухинском и Шемахинском уездах выстраиваются из камня, на грязи или глине. Крыши делаются плоские; они смазываются глиною с примесью самана (мешаной соломы), убиваются и укатываются так твердо, что составляют сплошные твердые массы. Потолки подшиваются или короткими досками, на протяжении балки от балки, или камышом. В каждой сакле делают одно или два маленьких окна и одну или две двери; окна без рам и стекол, со ставнями простой, топорной, но прочной работы, без всякой оковки, запирающиеся изнутри толстыми деревянными засовами. Внутри комнат, между окнами и дверью, устраивают камин, без дверец и заслонов, с плотною трубой из глины; на верху крыши труба закрывается доскою, и на доску кладут тяжелый камень, чтобы она не упала во время сильного ветра. Зимой камин постоянно топится, и тлеющие угли поддерживаются в нем по целым суткам. Возле дверей дома устраивают нечто вроде коридора или галереи, также с каминами на обоих концах, с полами, хорошо вымазанными глиной и покрытыми коврами. Здесь летом женщины работают, приготавливают кушанья или проводят время со своими гостями.

Сакли эти устраиваются о двух или трех комнатах; в каждой комнате сделана в стене маленькая дверца или лазейка наравне с полом; через нее они пролазят в другие комнаты, и ее не видно, так как она постоянно закрыта стенным покрывалом. Стены и полы комнат смазываются еженедельно, перед субботой, весьма чисто выбеливаются известкою, а нижний карниз вымазывается по большей части красной или серой глиной, добываемой ими на месте в изобилии. Комнаты убираются так: на верхних полках расставлена, как я уже выше сказал, разная посуда, как то: чайники, полоскательные чашки, бутылки, глиняные кувшины для вина и медные кувшины для воды старой азиатской формы и разная мелочь. Одна стена

украшается зеркалами, и между ними висят шали, шелковые или шерстяные, а также группируются разными фигурами оружие – шашки, кинжалы, пистолеты и ружья.

Вторая стена украшается большими висящими на ней круглыми подносами из красной меди и тарелками, раскрашенными цветами и фигурами; внизу под этими украшениями поставлены сундуки, один на другом – внизу самый большой, а наверху самый маленький, в виде пирамиды; в них помещается одежда и другое имущество хозяев.

Третья стена украшается постелями: верхняя половина стены уложена подушками и одеялами, сложенными в порядке до самого потолка, а у нижней части стены сделаны квадратные отверстия, заменяющие наши шкапы; в них держат разные хозяйственные вещи, а у раввинов помещаются там книги. Эти отверстия, или шкапы, закрываются занавесами. В саклях бедных, у которых не много постельных принадлежностей, целая стена завешивается с потолка до самого низу занавесами.

Четвертая стена образует камин, окна и двери. Около дверей и в углах комнаты я замечал большие, в полтора аршина вышины, глиняные сосуды, в которых держат муку и крупу; они служат вместо амбаров. Посредине комнаты стоит столб, а в больших саклях и два столба, которые подпирают потолок, на этих столбах висят со всех сторон одежды и оружие. В некоторых саклях я видел длинную палку, которая висит на двух веревках, привязанных к потолку; на палке этой вешают иногда одежду, а иногда копченую говядину, баранину или сало. Пол застилается хорошими коврами или весьма искусно и красиво сплетенными из камыша рогожами; но из них нужно часто выбивать пыль и обрызгивать их водой. Так, украшенная комната служит вообще приемной для гостей и приезжающих и называется кунацкой. Вторая же половина сакли определена для кухни и для помещения семейства. Летом, когда женщины готовят свои кушанья на дворе и работают или беседуют на галереях своих домов, тогда в их комнатах очень чисто и опрятно; но зимою там большая нечистота и грязь. Посуда с водой, бурдюки с вином, корзины с мукой и крупой – все это помещается на женской половине сакли; тут же говядина, баранина и сало висят на крючьях и коптятся; медные и глиняные сосуды, старые тряпки и тому подобный хлам разбросаны повсюду; в таком хаосе живет семейство зимой.

Свет входит в комнату через маленькие окошки и через отворенные постоянно двери, а также проникает сверху, через прямую трубу камина. Зимою окна и двери также отворены, и теплота вместе с дымом выходят из комнаты на двор, а жильцы сидят и греются возле огня камина. Вообще, горцы-мусульмане и горцы-евреи не заботятся, чтобы теплота сохранялась у них в комнате на продолжительное время.

Иногда хозяин устраивает у себя на дворе огороженное плетнем помещение для скота и лошадей; но по большей части я встречал в деревнях такие помещения, вроде сарайчиков, выстроенных под полом саклей. У некоторых богатых бывают двухэтажные сакли; в таких саклях принимают они своих гостей во втором этаже, а нижний этаж служит для семейства. Двери они делают вообще и везде весьма низкие и узкие, так что нужно сгибаться при входе и выходе через них, нужно также быть осторожным при ходьбе по лестницам и через пороги, иначе легко себе сломать с непривычки руки и ноги.

При окончании постройки сакли собираются женщины, юноши и девушки к хозяину сакли, и они должны помочь ему в последний раз вымазать крышу новопостроенной сакли. В то время хозяин угощает их водкой или вином, и они оттуда возвращаются с торжеством. Мне раз пришлось видеть такое торжество в деревне Арага, в Кюринском округе (в Южном Дагестане). По улицам деревни слышались зурны с аккомпанементом барабанов; партия за партией, молодежь и женщины ходили и громко распевали разные песни; девушки с весельем оглашали воздух звуками ударов в ладоши: это было торжество при возвращении из новооконченной сакли у их односельчанина. Вечером того же дня хозяин новой сакли при-

глашает к себе всех хозяев деревни из евреев и делает для них большой ужин за то, что они помогали ему в его постройке.

В некоторых местах, как, например, в Дербенте, Кубе, Темир-Хан-Шуре, Хасавюрте и Грозном, я видел у горских евреев порядочные европейские дома, но они принадлежат, разумеется, богатым, которые ездят ежегодно на Нижегородскую ярмарку. У таких евреев находится одно отделение, убранное по-азиатски, где они живут с семьями своими, особое отделение – кунацкая – для горских гостей и еще одно отделение, убранное совершенно по-европейски; это последнее стоит необитаемо, назначаясь только для европейских гостей.

Самый древний обычай, оставшийся в наследство потомкам человеческого рода в Азии, есть гостеприимство. Все мусульманские и языческие народы Азии крепко придерживаются этого обычая и доныне. Горские евреи, заброшенные судьбою изнутри Азии сюда, в горы Кавказа, почти за 7 столетий до Р. Х. сохранили некоторые из обычаев своих предков-патриархов в первобытной форме, как, например, гостеприимство и обмывание ног (Бытие, гл. XVIII, 1–8) до настоящего времени. Если какой-либо хахам (ученый) из Палестины или из России приезжает к ним в деревню, то каждый из жителей деревни просит его настойчиво заехать к нему в гости; но большею частью хахам заезжает или к богатым хозяевам, или к раввину. Тогда тот хозяин, к которому заехал гость, обязан взять из рук его вещи и отнести их в гостиную комнату, указать ему лучшее место на постели для отдыха с дороги и тут же обмыть его ноги. Впрочем, в некоторых местах исполняет этот обычай сама хозяйка дома. Скоро затем собираются в этот дом старики и почетные люди и подают гостю руки с приветствованием на библейском языке, словами: «шалом алейхем», то есть здравия вам желаю, или «барух-габо», что значит: да будет благополучен ваш приезд, а гость должен им отвечать: «Алейхем шалом!», то есть будьте вы здоровы и благополучны.

Все беседуют с ним, а хозяин подает в то время разные угощения, и все садятся с гостем обедать или ужинать. Гостю не должно быть скучно, а потому жители деревни не дают ему скучать – один от него выходит, другой заходит, и каждому деревенскому жителю желательно узнать причину его приезда или те новости, какие он привез им; поэтому в один час уже известно всем в деревне, даже женщинам и детям, зачем приехал гость. Когда гость желает отъехать, хозяин просит его, чтобы он остался у него еще на некоторое время. Если тот беден и нуждается в помощи, тогда общество помогает ему денежным пособием по возможности. Хозяин дает ему съестные припасы на дорогу, и один или несколько человек из этой деревни провожают его до следующей деревни.

Кроме таких гостей приезжают к ним свои единоверцы из соседних деревень и городов по делам торговли, по знакомству или для отдыха и ночлега; в таком случае каждый имеет своего кунака, то есть доброго знакомого или приятеля. Хозяин обязан встретить гостя, взять у него из рук оружие, принять лошадь, угостить кунака, накормить коня и при отъезде провести его за ворота с пожеланием ему счастливого пути. Подобное же гостеприимство хозяин надеется встретить и в свою очередь. Таким же образом принимают они и гостей из мусульман, заезжающих к ним по разным обстоятельствам или для отдыха и ночлега. Каждый мусульманин имеет своих кунаков в еврейских деревнях, и каждый еврей имеет таких же приятелей в мусульманских деревнях.

Европейскому человеку весьма трудно привыкать к их кушаньям и способу их приготовления, потому что горцы-евреи едят весьма нечисто. Вообще я заметил, что они подают кушанья в такой посуде, которая по несколько недель не мыта, и на ней остатки прежних кушаний накоплены одни на другие; иногда подают стакан или рюмку для напитка также нечистые, замаранные мухами, грязью или пылью, да и вообще о чистоте все горские евреи мало заботятся. Кроме того, они прикасаются к каждому кушанью руками, и хотя и находятся у многих зажиточных из них ложки и вилки, но они все-таки по привычке едят руками.

Большую частью все кушанья их пахнут потом, что отвратительно для непривычного человека.

Обычай у них таков, что гость не должен есть отдельно, а только вместе с хозяином; если же хозяина нет, то с членами семейства: ибо стыдом считается у них, если гость будет кушать отдельно. Еще есть у них адат, что кто бы ни зашел к ним во время еды, непременно должен сесть и участвовать в компании, для чего они нередко приготавливают столько кушанья, чтобы его было достаточно по крайней мере для десяти посторонних человек.

В домашнем быту женщины едят вместе с мужчинами, чего у мусульман не бывает, а когда заходит посторонний человек, то они удаляются и едят отдельно, в своей комнате.

В будничные дни в обед и ужин кушанья подаются на больших круглых деревянных подносах, а в праздничные дни или в присутствии гостей – на больших круглых медных подносах. Поднос ставится на полу, на ковер, который покрыт ситцевым платком, а в праздник или при гостях – шелковым.

Под платком лежит хлеб, то есть чуреки, которые они пекут раз в неделю, от одной пятницы до другой (когда же приезжает к ним знатный гость, то они тогда особо пекут свежий хлеб), возле чуреков разложены соль, чеснок и лук, а в праздничные дни и для гостей прибавляются разные фрукты; вокруг подноса садятся, поджав ноги, мужчины; возле дверей стоят несколько человек для прислуги, а в семейном быту – кто-нибудь из членов семейства.

Прислуга подает к столу, то есть к подносу, воду для обмывания рук, потом хозяин читает молитву и берет чурек, разламывает его на столько кусков, сколько сидит вокруг подноса людей, и бросает каждому по куску, после чего каждый, прочитывая короткую молитву, то есть благодаря Бога за хлеб и за соль, обмакивает свой кусок чурека три раза в соль и со странными гримасами начинает есть; потом хозяин берет другой чурек, разламывает его на куски, обмакивает все куски в соль и отправляет их через прислугу женщинам в их комнату; потом пробуют фрукты для того, чтобы поблагодарить за них Бога; после фруктов едят лук и чеснок с хлебом, вместо первого блюда. В это время является хозяйка с покрытым платком лицом и подает кушанья; за ней идет и прислуга с остальными блюдами, потому что все блюда подаются вместе, за один раз. Тут образуется смесь всяких кушаний: суп с бараниною, говядиною или курдючным салом, с клецками, сделанными квадратиками или трехугольниками из пшеничной муки, сваренными жидко в воде и приправленными уксусом и чесноком, что называется у них хинкал; или суп из фасоли с говядиною, бараниною или с салом, приправленный чесноком и кислыми ягодами; плов из круп, с курдючным салом, приготовленный густо, как каша, приправленный изюмом и покрытый сверху яичницею; иногда яичница особо; отваренная баранина или говядина; жаркое особо; к нему добавляется маринованный чеснок и маринованные огурцы на особом блюде, что заменяет наш салат; наконец – сладкие кушанья, состоящие из жареных или вареных груш, яблок и слив в меду или сахаре, с курдючным салом, с изюмом, что заменяет наш компот.

Все вышеупомянутые кушанья приготавливаются с большим количеством чеснока, что непривычному европейцу трудно переносить. Берут они понемногу, от всех блюд, смешивают вместе и едят руками; ложки употребляют для супа, но очень редко, а говядину берут или руками, или заостренными деревянными палочками, или же каждый особо разрывает свой кусок на кусочки руками или режет ножиком своим, имеющимся под кинжалом у каждого мужчины.

К столу подаются и напитки – водка и вино, приготавливаемое ими из своих виноградников или купленное у своих собратьев; они пьют много за столом, так что поминутно, немного закусив, пьют за чье-либо здоровье; но я редко встречал между горскими евреями людей, которые бы напивались до того, чтобы свалиться с ног.

На ужин большую частью подают или хинкал, или жареную и копченую соленую рыбу, называемую ими кутум, или же жарят фасоль в масле и сале с чесноком, солью и луком. Все

эти кушанья они готовят для праздничных дней и для важных гостей; в семейном же быту обходятся хлебом с сыром или с кутумом, луком и чесноком.

Сверх этих кушаний они любят еще зелень и едят ее весьма много, без всякого приготовления, иногда с хлебом, иногда без хлеба. В Кубе я был приглашен в гости к некоторым богатым евреям, которые угощали меня вином и водкой и подали закусить одних только трав более 5 сортов разного вкуса. Летом они едят их постоянно с хлебом.

Вообще, при случае, все они без исключения кушают весьма много; большой круглый поднос с пловом подается несколько раз к столу сверх остальных блюд, кроме того, каждый из них может съесть за столом 2 и 3 больших чурека. Зато в дороге они могут обходиться только чуреками, луком, чесноком и сыром в течение очень продолжительного времени.

Если гость заехал в дом какого-либо хозяина и квартира ему не нравится или неудобна, то он не может перейти на другую квартиру, потому что это почитается большою обидою для хозяина квартиры, а также большим стыдом для того, кто его примет в свой дом; между этими двумя хозяевами непременно произойдет ссора, и они могут сделаться навсегда между собою врагами.

Глава 2

Национальный характер горских евреев, их язык и письменность. Грамотность горских евреев, обучение их детей и училища. Склонность горских евреев к праздности; любознательность их к новостям и рассказам. Три местных рассказа

Горские евреи, с тех пор как лишились своего отечества и были поселены как пленники в горах Кавказа, усвоили себе обычаи и нравы тех племен, между которыми жили. В первые времена их пребывания на Кавказе они сохраняли еще национальный характер и даже язык своих отцов, как это видно из биографии святой Нины: когда она пришла в Грузию из Иерусалима для распространения христианской веры, то была весьма рада, что нашла своих соотечественников в городе Урбнисе, в Карталинии, где она целый месяц беседовала с ними на их национальном, древнееврейском языке, равно и с евреями, жившими тогда в Мцхете, язык которых она знала отлично еще в Иерусалиме. Тогда их тип и характер был еще чисто патриархальный. Но во время персидского владычества в Закавказье евреи усвоили себе древнеперсидский язык, который они называют фарсидским и татским, и, вероятно, образовался у них жаргон, составленный из этих двух языков с примесью древнееврейских, то есть библейских слов, и со множеством слов и языков местных, соседних племен. Письменность у них на этом жаргоне производилась еврейским квадратным шрифтом, называемым ассирийским.

Во время мусульманского владычества в Закавказье евреи совершенно отатарились, приняли мусульманский характер и многое из обычаев, нравов и образа жизни мусульман; но язык их остался тот же самый, фарсидско-татский, на котором они и ныне разговаривают между собой. Я привожу здесь несколько слов этого языка и рассказ, записанный мною на их языке, для примера.

Ма – я
Ты – ты
У – он
Йму – мы
Пишу – вы
Ухо – они
Худо – Бог
Аасму – небо
Сар – шар
Земи – земля
Нить – сиди
Нишит – сидите
Баба – отец
Дадай – мать
Бирор – брат
Хахар – сестра
Духтар – дочь, девушка
Кук – сын
Гуфтере – говорить

Иста – хочет, желает
Хизум – дрова
Тахайр – вечер
Нун – хлеб
Шпр – молоко
Корда – нож
Хуб – хорошо
Хубо – хорошо
Амбар – очень
Амбар хубо – очень хорошо
Хиеты – есть
Нисты – нет
Хуб-нисты – нехорошо, худо
Биор – дай, принеси
Оу – вода
Хурум – пить
Оу-биор-хурум – дай воды
напиться
Диа маа – дай мне
Чи – что
Чи у гуфтерени – что он
говорит?
Чи у иста – что он хочет?
Чи у биор – что он принес?
Хузум биор – дрова принеси
Нун биор – хлеба принеси
Гушг-кови – говядина
Гушт-понды – баранина
Нумо – имя
Кейф – как
Духтар амбар гукчеги —
красавица
Сах-баши – очень благодарен
Данэстены – понимаете?
Чул – деревня

Счет:

еки – 1
дидо – 2
сеса – 3
чор – 4
пендж – 5
шеш – 6
хафт – 7
хашт – 8
нэ – 9
тха – 10
йахозда – 11
ду-хоза – 12

сахозда – 13
чорда – 14
похозда – 15
шохозда – 16
хавда – 17
хащда – 18
нохоада – 19
бист – 20
бист-пендж – 26
бихзда – 30
бихздпоходза – 35
дубист – 40
дубист-пендж – 45
дубистха – 50
сабист – 60
сабистха – 70
чорбист – 80
чорбистха – 90
сат – 100
дусат – 200
сасат – 300
чор-сат – 400
пендж-сат – 500
хазор – 1000
ду-хазор – 2000 и т. д.

Ма аморум – я пришел
Ты амори – ты пришел
У амори – он пришел
Йму аморим – мы пришли
Ишму аморит – вы пришли
Ухо амо – они пришли
Кейф ту хуби – как твое здоровье?
Кейф ишму хуби – как вы поживаете?
Кейф зенты хуби – как твоя жена поживает?

Рассказ на этом языке

А пендж хазор, пендж сат, чорбист чор дахсал, кей рафт Мусурмохо ези чул Араг а Мурсуль-хан а куфта а Хайтах, йа Мусурмох нумы Дамур, яурд аз Хайтах ай Сейфертейра духузди аз намаз Исраильхо Хайтах и Араг. – Вагурд ванджи Сейфертейра чекмэ кушкерд аре хушта, вагурд, ти кахо бахеш керт Муеурмохора ухо арежшита хошкинэ чекмэ, хош кердет а Сейфертейра капой ханжал тало ахариши хан-жалхора. – Гуфтурут Исраильхо а Мусурмох аричу ванджирены и чи Худохи, арчу ира азиничихо хош кердени? Худо иш-муре мидады. – Мусурмохо хостам берут пискунут рах Исра-хила, вагурдут Сейфертейра тапорид арад малад, ухо хандус-тут, ухо бешмердут Худо Исрахила. – Йа руз борда азарло бисто мусурмо Дамур, амбар сахтиназарло бисто, у джурай – за асахт – дзухун новаз джурай за у гуфты: вай! сухтум, сухтум! дулма еухтэ! Га руш чуруй за ношомах веда рафт.

У мусурмох дуруд ки у аде хадж мурда, Худо додо мурд, тарсируд байгурдуд ути келохо Сейфертейра ки айшу бегурдут торуд а Исраильхо. Исраильхо бегурдут танород а намаз.

Перевод

В 5594 году от Сотворения мира, когда мусульмане, жители деревни Арага, отправились с Мурсул-ханом воевать с жителями селений Кайтага, один мусульманин, именем Дамур, взял Пятикнижие Моисея, на пергаменте написанное, которое он похитил из синагоги кайтагских евреев, и принес в селение Арага. Этот мусульманин взял пергамент Пятикнижия, разрезал его на куски, сделал из них себе башмаки и много еще кусков роздал другим мусульманам, чтобы они также сделали себе из них башмаки и чехлы для кинжалов и пистолетов своих. Евреи говорили им: «Зачем вы делаете так, это святая книга, за что вы оскорбляете ее так? Бог накажет вас за такое преступление и взыщет с вас такую обиду!»

Мусульмане же насмеялись, и для того, чтобы еще больше рассердить евреев, взяли куски рукописи и топтали их в грязи, хохотали, хулили и ругали Бога евреев.

Через день заболел весьма сильно мусульманин Дамур, он кричал из всех сил каждую минуту: «О, я горю, я горю, я сгорел, сердце мое горит!»

Несколько дней кряду он так кричал, пока душа из него вышла, и он скончался.

Мусульмане, видя, что Дамур умер и так жестоко мучился, стали рассуждать и пришли к убеждению, что Бог его наказал за оскорбление святыни; они стали сильно бояться за себя, собрали все куски пергамента Пятикнижия и возвратили их евреям. Евреи же с радостью спрятали их в своей синагоге и восхвалили Бога своих предков.

Сверх древнееврейских слов, которые мне пришлось слышать в их разговоре, я еще заметил много халдейских слов и талмудских фраз. Они, вероятно, приняли Талмуд во время его издания. Раввины их рассказали мне, что у них есть предание, что некоторые из ученых, входящих в состав талмудских толкователей, жили в Прикаспийском крае, как, например, Нахум Гамадай, то есть мидийский, жил в старой Шемахе, в Ширване, и Симон Сафро (то есть Симон ученый или писатель, ибо «сафро» есть халдейское слово и значит «автор, сочинитель») жил в г. Дербенте, и поэтому-то встречается в Талмуде много фарсидско-татских слов. Судя по этому, можно предположить, что в древности были у них ученые раввины и что народ тогда мог находиться на гораздо высшей ступени умственного развития. Теперь же их нравственное положение весьма в упадке. Я познакомился со всеми горскими раввинами в местах их пребывания и нашел только в г. Дербенте их главного раввина, который вместе со своим отцом отлично знают учение Талмуда, все законы и установления еврейской религии, знакомы с новой еврейской литературой и даже знают грамоту русскую. В других же местах раввины или знают еврейский закон весьма неудовлетворительно, или же почти ничего в нем не смыслят.

Вообще еврейское народонаселение в Прикаспийском крае и Терской области не обучается своей грамоте, и мне приходилось всякий раз слышать на мой вопрос: можете ли говорить по-древнееврейски? – один ответ: «Моя амхаарец», что значит по-библейски: «Я простак, неграмотный». С трудом я мог объясняться по-древнееврейски и с их раввинами. Даже местной грамоте они не обучаются, хотя им и необходимо знать ее по торговым их делам. Во всех деревнях они платят мусульманскому мулле, а в городах какому-нибудь грамотному татарину, чтоб им писали письма и разные бумаги, за что каждый мулла получает от общества годовое жалованье или от каждого особую плату за письмо, за просьбу и т. и. примерно по 10 коп.

Об обучении своих детей грамоте они мало или и вовсе не заботятся. Преподавателями у них резники, которые вместе с тем занимают и раввинские должности. Когда они свободны от резки скота, тогда только занимаются обучением детей. Они обучают мальчиков читать и писать, а также и Библии с переводом на фарсидско-татский язык. Кто из хозяев желает отдать своего сына в учение, тот платит раввину два абазы в год, то есть 40 коп.; сверх того

раввин получает от таких хозяев на праздники муку, соль, кур и другие съестные продукты; если же хозяин занимается торговлей, то приносит раввину в подарок две пары чулок или кусок ситцу на платье для его жены. Если кто из молодых людей стремится достигнуть раввинского звания, то отправляется в Дербент к тамошнему главному раввину и там обучается или же едет в Россию к русским евреям и у них изучает правила, установленные для звания резников. Больше этого им не нужно, ибо стремятся только быть хорошими резниками, так как ремесло это достаточно для обеспечения их жизни. Другие познания их не интересуют, и лишь только такой молодой горский еврей получил или успел получить свидетельство, что он может быть хорошим резником, как спешит уже он на свою родину.

По приезде его из России в деревню к своим односельчанам эти последние встречают его с радостью и почестями; каждый из деревни считает себя счастливым, если скажет ему ласковое слово; женщины желают, чтобы Бог осчастливил их такими же сыновьями, девушки рады иметь таких женихов. Его принимают везде с большим уважением, точно возвратился он к своим родным, окончив курс наук в каком-либо университете со степенью доктора, а в сущности, этот ученый горец, окончивши свое учение в каком-нибудь ешиботе или у одного из резников, ничего не знает, да и он не может ничего знать, потому что когда он приезжает к русским евреям, то он, во-первых, языка русских евреев не понимает: каким же образом он может успевать в учении своем, когда не понимает объяснений и толкований своего учителя? А когда, в несколько лет, начнет он немного понимать разговор евреев, то все-таки вполне не может понять толкования закона; стараться же образовать самого себя по-европейски он не находит нужным, потому что ему желательно выучиться только своему ремеслу и получить свидетельство. Таким образом, возвращается он на родину без всякого образования, без всяких успехов в науках и остается там таким же полудиким горцем, каким был прежде, хотя и играет роль ученого раввина, и все односельчане им весьма довольны.

В каждом еврейском обществе в горах, как я сказал, найдется несколько человек, которые могут объясниться по-древнееврейски, то есть сколько-нибудь могут читать и понимать Библию; но таких весьма мало. Например, в Дербенте, где находится до 200 домов евреев, найдется около 20 человек, знающих еврейскую грамоту; в Араге около 90 домов и не больше 8 человек грамотных; в Кубе около 100 домов, и только около 25 или 30 грамотных; в Грозном до 200 домов, а грамотных всего 5 или 6. Столько же найдется их в Хасавюрте, в Мюджи, а в остальных аулах могут только одни раввины, да разве 1 или 2 из мирян объясниться по-древнееврейски.

По приезде моем в какую-нибудь деревню я считал нужным посещать училища, чтобы видеть, где и как учат детей. Меня обыкновенно вводили в сакли, которые большею частью помещаются возле синагог или в домах раввинов. Помещения для училищ оказывались обыкновенно тесными, грязными; учащихся насчитывалось примерно на 200 домов не более 15. Обучают таким образом: раввин сидит на земле или на ковре, а вокруг него – все мальчики; вместе со своим учителем они кивают головами, читая молитвы или Библию с татско-фарсидским переводом и с татарским напевом. Печатные еврейские азбучки у них редко бывают; большею же частью раввины рисуют на таблицах буквы алфавита, и дети учатся читать и писать с этих прописей. Они все пишут на колене по мусульманскому способу, к чему так привыкают, что им трудно и неудобно писать на столе. В Дербенте находится школа вроде раввинского училища; она помещается при синагоге в хорошей комнате – светлой, с окнами европейской формы и довольно чистой; те, которые кончают курс в этом заведении, получают свидетельство на звание раввина или резника от тамошнего главного раввина. Остальные же училища в Дербенте, а также училища в Грозном, Хасавюрте и в деревнях находятся в весьма жалком виде.

Разъезжая в горах по деревням с еврейским населением, везде я встречал евреев, праздно расхаживающих с трубками по аулу или сидящих возле лавок, мечтающих бог знает

о чем или беседующих около своих домов. Большею же частью они собираются возле синагог или резниц и на площадках деревни, где просиживают долгое время, рассуждая между собой или же толкуя попусту.

Вообще они любят выслушивать всякого рода новости. Если кто-либо проезжает, еврей или мусульманин, через их деревню, они останавливают его, – и вдруг около него собирается толпа с расспросами о новостях из его аула или что он знает о других деревнях; любят они также рассказывать друг другу религиозные сказки и в этих рассказах проводят день до вечера. Я приведу здесь некоторые из их рассказов, которые они сообщали мне весьма охотно.

Рассказ 1-й

Предки наши, которые жили в деревне Кусары (ныне штаб-квартира, недалеко от Кубы), передали нам, что в 5496 году от Сотворения мира, когда Надир-шах разорил еврейскую деревню Колкоту (ныне развалины на берегу реки Кудиял-чай в двух верстах от г. Кубы), избил и взял в плен многих из тамошних евреев, – в то время раз утром, когда раби Реувин бен-Самуил кончил утреннюю молитву и сел со своими учениками на дворе синагоги читать по обыкновению своему определенную для каждого дня талмудическую диссертацию, прибыл предводитель войск Надир-шаха и проходил со своими войсками мимо синагоги. Увидев раввина с его учениками и много евреев из посторонних слушателей, предводитель вздумал прежде напасть на это сборище и убить их, а потом уже разорить деревню. Предводитель подошел со своими воинами к раввину, вынул свою саблю и занес ее на его голову; раввин, испугавшись, как держал в то время книгу в руках, так и поднял ее против сабли, чтобы защитить себя. Сабля не попала на его голову, а прямо на книгу, и книга была разрублена пополам. Предводитель, видя, что раввин остался неповрежденным, сказал ему: «Я вижу, что Бог ваш предохранил тебя от жестокости меча моего; за изучение Его святых законов будь ты спасен с твоим народом!» Потом он обратился к своим воинам и приказал им не трогать и не беспокоить никого из евреев. Попрощавшись с раввином, он со своим войском оставил деревню Кусары и, по милости Бога, Авраама, Исаака и Иакова, она была спасена тогда от нападения Надир-шаха.

Книгу эту показывал мне кубинский раввин Гершон. Действительно, она пополам искусно разрублена; сохраняется она у него как драгоценный талисман, предохранивший его предков от злых намерений врагов; она заключает в себе: описание св. града Иерусалима, служение первосвященников в судные дни в храме Соломона и некоторые толкования кабалистические, печатана в Венеции в 1587 году.

Рассказ 2-й

В смутные времена Надир-шаха евреи много страдали от нападений различных войск и шаек разбойников, так что не проходило дня без приключения и несчастья; хлеб на полях и домашнее имущество были постоянно уничтожаемы, голод постепенно увеличивался, и евреи, не будучи уже в состоянии терпеть более жестокую участь свою, стали оставлять свои обиталища и расходиться по разным местам; некоторые поселились в г. Кубе, но большая часть евреев решила оставить навсегда этот край и предпринять путь в Багдад и Палестину. Они собрали оставшееся имущество свое, приготовили припасов на дорогу, забрали свои семейства и в надежде на Бога своих патриархов пустились в путь.

Раби Давид бен-Реувин был их наставником и путеводителем. Они странствовали с места на место, пока дошли до Каспийского моря; там они сели на корабль. Во время поездки по морю они потерпели большое кораблекрушение. Раби Давид бен-Реувин и все старики облеклись в талеты (то есть в покрывала, которыми все евреи покрываются во время

молитвы в синагогах) и стали молиться Творцу земли и морей; женщины и дети в отчаянии рыдали с воплями и молились. Все это не помогло: корабль стал разбиваться и разрушаться. Наконец, в последние ужасные минуты Бог умилил над ними и сотворил им чудо – они были спасены на одном острове, который представился им пред глазами при потоплении корабля.

Там, на острове, они жили пять дней; съестные их припасы погрузились в море, и они питались зеленью и овощами; через пять дней по благой воле Господа Бога проходил мимо того острова другой корабль. Корабельщик был седой старик. Увидев остров и на нем много людей, он весьма удивился, потому что в жизнь свою, сколько раз он ни ездил по морю, никогда не видел никакого острова на этом месте; из любопытства приплыл он к тому острову и спросил евреев: «Кто вы и из какой страны?» Они отвечали ему: «Мы горские евреи; с нами случилось несчастье, но вместе с тем и чудо Божие: наш корабль утонул, а мы были спасены на этом острове». Шкипер им отвечал: «Если вы израильтяне, то предки ваши давно уже привыкли к божеским чудесам, и, как я вижу, сам Бог привел меня сюда окончательно спасти вас; я весьма рад быть посланником от Бога; переходите все ко мне на корабль – я вас довезу до материка». Они остановились возле берегов Ширвана, все высадились с корабля на берег, а оттуда опять странствовали, пока не дошли до старой Шемахи; отсюда они отправились к своим братьям в селение Мюджи. Только что вошли они в селение, как скончался их верный путеводитель, раби Давид бен-Реувин, изнемогший от изнурений дороги; он был погребен на старом еврейском кладбище в селении Курдовоне, местопребывании в древности евреев, пленников Салманасара, ассирийского царя. Пришельцы рассказывали своим братьям свои приключения на море и на суше, и все прославили Бога Израиля.

Рассказ дербентских и кубинских евреев

По бакинско-кубинской почтовой дороге, недалеко от Девичинской почтовой станции, в горах находится деревня Кала-Чирах, в которой жили евреи еще задолго до прибытия сюда Надир-шаха. Когда Надир-шах стал нападать на эту страну и притеснять ее жителей, евреи особенно пострадали тогда от жестоких гонений; они принуждены были выселиться из Кала-Чираха в г. Кубу. Ханчала чи-рахский, видя, что евреи оставили свои жилища навсегда, велел собрать все надгробные камни, находившиеся на еврейском кладбище, и выстроить из них ему дворец. Жители исполнили с радостью его приказание и выстроили ему из этих камней великолепный дворец. Когда хан со своим семейством и всем имуществом переехал во дворец, то не прошло и нескольких недель, как заболела его жена и умерла, потом дети все заболели и померли, наконец, и сам хан жестоко заболел, сильно мучился и после необыкновенно тяжелой болезни скончался, так что из целого семейства хана не осталось ни одной живой души, даже все лошади на ханских конюшнях погибли. Сколько раз пробовали тамошние жители-мусульмане селиться во дворце, они тоже умирали. Дворец этот стоит пустой, никем не обитаемый и до сих пор. Мусульмане боятся по вечерам проходить мимо него. Евреи уверяют, что Бог наказал хана за взятие надгробных камней с еврейского кладбища на постройку дворца и что мертвецы за обиду, нанесенную им, передушили его с семейством, а также душили и других мусульман, которые поселились после в том дворце; даже и невинных лошадей они не пощадили.

Глава 3

Верования горских евреев в бессмертие души. Верование в переселение души после смерти в животных. Понятия об аде, верховном небесном суде и рае. Господствующие болезни и способы их лечения. Похоронные обряды. Женщины-плакальщицы. Горские еврейки

Верования в бессмертие души у горских евреев различны: некоторые веруют, что душа человека по оставлении ею мертвого тела не отлучается от могилы тела ее целый год, а по окончании года возвращается к тому месту на небе, откуда взята, и там в Царстве Небесном покоится вечно. Некоторые полагают, что скоро по выходе из тела она улетает на небо, некоторые же веруют, что она целый год находится на том самом месте, где вышла из тела, а потому горит у них постоянно лампа на том месте в честь души. Некоторые также веруют, что душа посещает каждый день могилу ее тела на кладбище; по этой причине в некоторых местах есть обычай, что ставят воду на кладбище для душ человеческих, чтобы все души в ней выкупались и очистились от нечистоты мертвых обиталищ, прежде чем они поднимутся в свои святые места на небесах.

Горские евреи веруют также в переселение человеческой души после выхода ее из тела в различных животных, чистых и нечистых. Она бывает в них иногда долго, иногда короткое время и перемещается из одного животного в другое. По мнению горских евреев, душа известный срок страдает в теле животных. По окончании же срока она переходит в ад и там должна очиститься от нечистоты своей через огонь, а потом отправляется на покой в место, для нее назначенное.

Ад они представляют великим бесконечным чертогом, в котором находится множество отделений. В каждом отделении есть ангелы-истребители и черти, которые терзают грешников различными жестокими мучениями, как, например: бросают их в кипящие котлы, ставят на раскаленные сковороды, обмазывают их нефтью и зажигают, бьют жгучими железными прутьями, бросают в пропасти, кидают в воздухе с одного конца мира до другого. Ангелы же истребители исполняют в точности волю верховного небесного суда. В субботний день не производится никаких наказаний в аду – грешники отдыхают. В субботу же вечером уже повсеместно раздаются в аду вопли и жалобные крики.

Верховный небесный суд представляется большим чертогом, в котором горит бесчисленное множество свечей; раввины и великие люди Древнего мира, седые старики сидят в белых саванах вокруг длинных столов. Там висят большие весы, на которых взвешивают добрые и злые дела человека. Если грехи превышают добрые дела, то решается участь грешника по общему совету, именно какие наказания он должен принять на себя. Чертог наполнен постоянно мертвыми людьми, прибывающими туда из всех концов земного шара. Там допускается присутствовать их предкам и ближайшим родственникам, которые давно уже покоятся в раю; они имеют право вмешиваться на общем совете – просить за своих осужденных родственников; они также могут находить для них какие-нибудь оправдания в облегчение их жестокой участи. Плач, крики, вопли и рыдания слышны по всему чертогу; тут просит покойный отец о своем сыне, там мать о своем дитяти и т. д. Подобно тому, как за свои злые дела человек получает наказание, так за добрые дела он удостоивается награды, то есть по очищении души от грехов впускается в рай.

Рай они представляют себе на самом высшем небе, где стоит трон Творца миров; пред ним бесчисленное множество ангелов и херувимов в великом благоговении расхваливают имя Иеговы Саваофа и стоят готовыми ежесекундно исполнять волю Его.

Все праведники и благочестивые люди, которые отличались своими добродетелями на земле, сидят и наслаждаются вечным невыразимым умственным наслаждением о Божьем величии. Каждая душа из мужского и женского пола имеет свое назначенное место. Праведники и добрые люди сидят в золотых и бриллиантовых креслах ближе к Господу Богу, другие же, которые по грехам своим того не заслуживают, – стоят поодаль: это для них непременный стыд перед прочими навсегда.

Теперь сообщу я несколько сведений о болезнях, господствующих в горском еврейском населении, о способах их пользования, а также об обрядах, сопровождающих у этих евреев смерть и погребение.

Болезни у них бывают различные, не во всех местностях одинаковые, но большей частью они болеют лихорадками и глазами, также золотухой и бугорчаткою, в особенности в Кумыкском округе, в деревнях Андреевой, Аксаевской и Костеке, по причине узких улиц, тесных жилищ и их нечистоты.

Если кто заболит, то они прибегают к своим бабьим средствам, а иногда призывают аульного знахаря, и редко-редко случается, чтоб они доверили больного окружному медику. Чаще призывают цирюльников, приезжающих из Персии. Эти последние имеют свои лекарства, приготовляемые из разных трав; для продажи их они нанимают лавку на базаре. Все медикаменты их заключаются в большом мешке и завязаны в грязных тряпках. Такие медики, по-видимому, нигде не учились, не имеют никакого понятия о медицине и только знают по практике разные врачебные средства. К таким незнающим и полудиким азиатам горские евреи питают полное доверие; ученые же медики не имеют у них никакого авторитета: они презирают лекарства, прописываемые ими, полагая, что в эти лекарства они вмешивают свинину или другие тrefные вещи, то есть запрещенные по закону Моисея.

Во время болезни обязаны все односельчане навещать больного почти каждый день. Когда же больной умрет, тотчас же собирается целое общество в дом умершего. Раввин, его ученики и некоторые грамотные из поселян садятся около мертвеца. Мертвец лежит на полу, покрыт черным покрывалом и вокруг него горят свечи, – все читают псалмы Давида, а резник с учениками читают мишну в честь души, находящейся тогда в доме возле тела ее.

Усопший лежит на земле до тех пор, пока готовят для него одежду, называемую по-библейски тахрихим. Целое общество сидит возле дома умершего или во дворе его и шьет этот тахрихим; в то же время женщины-плакальщицы собираются во дворе, садятся группой в большой круг и оглашают воздух протяжным плачевным напевом. Одна из них стоит на коленях и расхваливает достоинства умершего; в это время она бьет себя кулаком в лицо, в голову и в обнаженные груди так сильно, что другие женщины, сидящие возле нее, удерживают руки с обеих сторон. Когда она кончает одну фразу, все женщины отвечают ей словами: хюйа-алла! хюйа-алла! о Боже! о Боже! – бьют себя между тем в голову и делают такие странные гримасы и движения, что страшно смотреть на них.

Все они сидят с растрепанными волосами, одеты в весьма старые оборванные платья, а некоторые покрыты белыми покрывалами. Когда стоящая в середине женщина кончает свою речь, то за ней из группы выходит по очереди другая и т. д. Чем более они при этом выразят свои чувства красноречивыми словами, тем больше заслуживают славу у других женщин. Оттого, икая, плакальщица в разгаре своего вдохновения совершенно теряет себя, глаза у нее, как и у других плакальщиц, горят огнем и налиты кровью, свирепая дикость выражается на лице.

В то время подходят к ним некоторые мужчины, по два и по три человека, слушают их речи, кивают головами и рыдают как дети. Несколько минут они так участвуют в плаче жен-

щин, потом удаляются, другие на место их подходят и т. д. Мужчины также бьют себя кулаками в грудь, в голову и лицо, когда участвуют в плаче с женщинами. Это продолжается до тех пор, пока готовится одежда тахрихим для умершего. Потом ставят палатку на поле и переносят труп в нее. На поле раскладывают огонь и на нем согревают воду для обмывания тела умершего. Потом одевают его в одежды из белого коленкора – сперва в рубашку, сшитую с башлыком, а рукава вместе с перчатками, так что лицо и голова закрываются башлыком, а пальцы рук – перчатками рукавов; потом в штаны с чулками, вместе сшитые, для закрывания ног. Далее заворачивают труп в талеф, то есть в покрывало, которым евреи покрывают себя в синагогах во время молитвы, и надевают на него белый саван; наконец, кладут труп на носилки, покрывают его или черным сукном, или красным персидским шелковым большим платком. Носилки бывают временные и постоянные. Временные делают из двух длинных толстых деревянных палок, переплетенных короткими ветвями дерева, наподобие лестницы, а постоянные делаются столяром и укреплены железом, в виде решетчатого ящика, с ножками и ручками; таковые стоят постоянно в передних синагогах. В тех местах, где в обычае временные носилки, евреи считают грехом иметь постоянные, ибо они живут с надеждою, что настанет день, в который прекратится смерть, и, во-вторых, они веруют, что если носилки стоят готовыми, а равно если могила вырыта без надобности, то непременно должен еще кто-нибудь умереть; поэтому скоро после похорон носилки разламывают и бросают в огонь.

Женщины провожают мертвого – с воплями и рыданиями, с ужасным криком и плачем, причем бьют и колотят себя руками в голову, лицо и груди только со двора; потом они или возвращаются назад, в дом умершего, или расходятся по своим домам и начинают расхваливать тех женщин, которые отличились своими речами и движениями. Мужчины же отправляются с трупом на кладбище, порою останавливаясь на несколько минут, причем читают или одну главу из псалтыря Давида, или молитву за усопшего. Подходя к кладбищу, они останавливаются на некоторое время на поле и становятся в полукруг: раввины читают молитвы, а народ в это время бросает в воздух кусочки разломленной старой азиатской серебряной монеты, думая этим задобрить злых духов. По окончании этого обряда направляются к могиле. Могила вырывается глубиною около 2,5 аршина и более; покойника кладут лицом вверх, покрывают в вышину одного аршина над ним досками, чтоб он мог свободно лежать, и доски засыпают землей. На могиле ставят надгробный камень с надписью; большей частью, кроме имени умершего, пишется следующая фраза из книги пророков: «И много из спящих в земле пробудятся и встанут к вечной жизни». Еще обозначают день, в который потребован (такой-то), сын (такого-то) в верховный небесный, суд, число, месяц и год по еврейскому летоисчислению от Сотворения мира. На некоторых памятниках описывают добродетели и достоинства покойника, например, то, что он делал добро всякому, помогал бедным, не обидел ближнего, был гостеприимен, не был горд и тому подобное.

Возвращаясь с могилы, срывают три раза траву, растущую на кладбище, и бросают ее через плечо, говоря: «Да прекратится смерть на веки веков, аминь!» Когда выходят с кладбища, все обмывают руки, становятся в большой круг, в середину которого входят сын или наследник покойника или же ближайшие родственники его, если сыновей нет; раввин читает молитву за покойника, а потом все утешают родного или родных его и оттуда отправляются в дом покойника. Там готовится обед или ужин (если поздно бывают похороны); раввины читают там молитвы, мишну, Талмуд и книгу Иова в честь души покойника. Целый месяц, а иногда целый год горит лампа с маслом на том самом месте, где душа вышла из тела, по причине вышеописанной; целый месяц читают там молитвы по три раза в день и по целым дням до глубокой ночи женщины-плакальщицы просиживают там и плачут; другие женщины деревни и девушки приходят туда также ежедневно участвовать в общем рыдании. Обед и ужин обязаны кушать в том же доме, и сюда каждый хозяин приносит свои кушанья. Мужчины кушают отдельно, в комнате покойника, а женщины тоже отдельно; такие

общие обеды и ужины продолжаютсѧ тоже целый месяц. По окончании же месяца наследник покойника или вдова приготовляет обед и ужин для цѧлого селения; если они бедные, то общество помогает им в этом. Тогда опять раввины читают молитвы ради успокоения души покойника и скорого вхожденія ее в рай.

Такие поминки возобновляют по окончании года в тот самый день, в который покойник умер; тогда делается еще раз всеобщий обед и ужин для цѧлого общества. Траур по усопшему исполняют по установлению религии: разрывают верхний кусок платья под воротником, возле груди, и так ходят в разорванном платье целый год. В Кубе мне рассказывали евреи, но я сам не видел, что в течение первого года от смерти какого-нибудь молодого храброго человека женщины не раз берут его лошадь, надевают на нее сбрую, на коня садится верхом молодая женщина ростом с умершего, причем она одета в его костюм, с его пистолетами, кинжалом и шашкою. Все женщины и девушки собираются и окружают коня, начинают при этом плакать, кричать и рыдать, бьют себя в груди, зовут эту женщину его именем и оглашают воздух воплями. Этим они себе воображают, что покойник сам сидит верхом на коне и одет, как живой, пред ними. Представление такого рода доводит их до экстаза.

Вообще женщины горских евреев очень склонны к плачу и ищут случая для того, чтобы было о чем поплакать.

Так, когда я ѡбѧезжал Прикаспійскій край и Терскую область, я вездѧ встречал женщин, оплакивающих покойников. Они говорят: «У нас такой адат. Когда мы выплачемся, то на сердце легче делается». Помню, например, что по приезде моем в селение Янгкен, лежащее недалеко от Маджалиса в Кайтаг-Табасаранском округѧ, я услышал издали пение женщин; с тамошним раввином я отправился по тому направлению, откуда оно слышалось, и спросил раввина, что это за пение? Он мне ответил, что это не пение, а плач женщин. И действительно, когда мы подошли ближе, то увидели, что почти все женщины деревни сидят в живописной группѧ и плачут с такой странной мелодией, что издали казалось, будто они пели; их глаза уже опухли от рыдания, и все они были избиты страшным образом. Я спросил их, давно ли умер тот, которого они оплакивают? Представьте мое удивление, когда я услышал, что уже 25 лет прошло после смерти оплакиваемого!

Кроме склонности к такому странному оплакиванию покойников, я заметил еще, что горские еврейки любят заводить между собой перебранки, доходящие до схваток. Во всех почти еврейских деревнях в горах пришлось мне видеть ссоры и драки между прекрасным полом. Мужчины в этом отношении гораздо скромнее. За какую-нибудь мелочь еврейки могут поссориться между собою, причем поднимают крик и шум. Смешно смотреть, как они бранятся, – одна против другой дергаются, машут руками на все стороны и кричат изо всех сил, проклиная одна другую. Подобные ссоры происходят и среди улиц, и на крышах саклей; с большим трудом мужчины разгоняют ссорящихся по домам. Но, упомянувши об этой слабой сторонѧ горских евреек, я должен сказать, что они вообще добросердечны. Они душевно рады принять гостя, услужить и угодить ему. Они вообще весьма трудолюбивы – занимаются хозяйством, приготовлением пищи, присмотром за домашним скотом, рубкою дров, носят на себѧ в кувшинах воду – богатые и бедные, без различія; они также занимаются шитьем одежды для всех членов семейства, как для женщин, так и для мужчин. В свободное от домашнего хозяйства время они ткут разноцветные шнурки для продажи, занимаются сушением табака и другими разными работами. Между ними попадаются искусные рукодельницы, которые вышивают кисеты для табака и денег бисером с разными украшениями, а также изготовляют различные принадлежности женских уборов. Кроме всего этого, женщины занимаются печением хлеба. Печки для хлеба устроены только у некоторых хозяек для всей деревни; этими печами пользуются и остальные хозяйки. Большею частью пекут они хлеб и только раз в неделю, под праздник, но иногда случается, что пекут и в другие дни недели, в особенности когда приезжает к ним гость. Печки эти устроены в особой комнате

или же на дворе возле дома. Это большие ямы, сделанные в земле и обмазанные глиною и известью. Каждая хозяйка приносит туда хворост и одно-другое полено дров для топки, также приносит с собою готовое тесто, из которого делает чуреки, прилепливая их к внутренним стенам ямы, в каком положении они и выпекаются. Возле таких печей собирается много женщин, и каждая ожидает своей очереди, а между тем, в ожидании ее, рассказывают сказки, новости и разные сплетни, болтают без умолку, хохочут, шепчутся, поверяя иногда друг дружке любовные свои интрижки.

Между молодыми женщинами встречаются франтихи, которые красят себе волосы и брови. Встречал я и таких, которые разрисовывают себе лицо возле глаз и на щеках; они рисуют красками разные фигуры вроде маленьких шариков и кривых линий черного, красного и каштанового цвета, и в таком виде они весьма похожи на дикарок. Заднюю косу они постоянно носят в длинном шелковом мешке, похожем на рукав. Этот рукав на голове, под покрывальным платком, висит сзади плеча, как хвост.

Глава 4

Свадьба у горских евреев. Одежды и наряды, мужские и женские. Обряды при рождении детей мужского пола. О древних именах мужского и женского пола. Богослужение и молитвенные дома

Горские евреи совершают брачные союзы большей частью между своими родственниками, реже со своими единовѣрцами из других аулов. Девушка двенадцати лет и далее уже выдается замуж. Помолвка совершается у них с младенчества. Иногда два друга или родственника, когда у одного родился сын, а у другого дочь, заключают между собой нечто вроде брачного условия в том, что дети их уже считаются засватанными. В тот день они пируют. Когда дети вырастают, то из дома невесты или сама невеста посылает каждую субботу жениху подарок, а жених, в свою очередь, посылает подарок невесте, также каждую субботу. Подарки состоят из различных фруктов и субботних кушаний. Невеста должна непременно попробовать кушанья, приготовляемые в доме жениха, а жених должен попробовать кушанья, приготовляемые в доме невесты. Сверх этих подарков жених посылает невесте часто и другие подарки, как, например, что-нибудь из предметов одежды и разные золотые и серебряные украшения. Невеста же вышивает жениху кисеты для табака, арахчины, то есть ермолки, отделанные в азиатском вкусе, с галунами, бисером и мишурными украшениями. Кто приносит невестин подарок жениху, тому дает жених подарок за труды. Жених завязывает монету в платок, в котором был невестин подарок, и отправляет это секретно к невесте.

Жених называется арас (халдейское слово, означает «засватанный»); невеста называется аруса (тоже слово халдейское, означает «засватанная»). В течение времени от обручения до свадьбы, которое продолжается несколько лет, невеста, лишь только увидит своего жениха или кого-нибудь из его родственников, должна сейчас же присесть на землю, закрыть лицо свое платком, а жених, увидевши невесту или ее родных, от стыда стесняется даже говорить.

В течение сказанного времени, когда случается посторонняя свадьба, на которую жених и его невеста оба приглашены, то жених делает там для своей невесты шабаш. Шабаш делается таким образом: жених дает несколько монет распорядителям танцами; эти распорядители берут сперва одну монету и объявляют громким голосом следующее: «Арас, филонкез, бир монат шабаш айлади», то есть жених такой-то дал одну монету для танца и кружения. Все молодые люди отвечают затем громко: «Гой шабаш! гой шабаш!» (Вот и танец! вот и танец!), то есть скоро и потанцуем. Потом опять распорядитель танцами кричит: «Вот еще монета в честь приглашенных гостей», – и молодежь опять отвечает: «Гой шабаш! гой шабаш!» Потом распорядители танцами еще раз говорят: «Вот еще монета в честь музыкантов (зурначей)», – а молодежь опять отвечает: «Гой шабаш! гой шабаш!» После этого распорядители говорят опять: «Еще монета в честь всего общества», – а молодежь отвечает громко: «Гой шабаш! гой шабаш!» Тогда зурначи начинают громко играть с аккомпанементом барабанов, невеста танцует, а распорядители танцами и молодые люди прыгают кругом невесты.

За месяц до бракосочетания приходит отец жениха с двумя свидетелями в дом невесты отдать отцу ее определенную выкупную сумму денег, которую согласился жених выплатить за невесту. Отец невесты делает на эту сумму своей дочери одежды и наряды; если же он хочет, то берет эту сумму себе и требует у жениха, чтобы он выплатил ему еще столько,

сколько издержано на воспитание невесты с младенчества ее до свадьбы; иногда же, сверх суммы жениха, он сам еще прибавляет какую-либо сумму в приданое своей дочери, – все зависит от доброй воли отца невесты. В старину был у них адат, что жених должен был дать отцу невесты перед свадьбой 1 корову, 12 руб (18 пудов) пшеницы, 2 рубы (3 пуда) сарачинского пшена, 20 кур, 3 аршина шелковой материи и 1 белую простыню; в настоящее время он дает только 10 кур, 1 рубу (полтора пуда) сарачинского пшена, 3 аршина шелковой материи и 1 белую простыню.

Брачное условие, или свадебный контракт, заключает раввин в присутствии родителей жениха и невесты и при свидетелях. В условии говорится, что муж должен кормить и одевать жену, жить честно и хорошо с нею, в случае же развода, когда того захочет муж, он обязан выплатить ей сумму, по обычаю (если он женился на девушке, то следует ей 35 рублей серебром, если же женится на разведенной, то 15 рублей, кроме того, разведенной остается та одежда, которую жених ей сделал до брака); если же причиной развода будет жена, то она должна возратить мужу всю одежду, справленную ей на свадьбу, и родители ее должны выплатить ему все расходы, издержанные им на свадьбу. Все европейские евреи, по обычаю и установлению Европы, имеют только по одной жене; но по закону Моисея не запрещается многоженство, а потому горские евреи, по закону и обычаю своих предков, а также по примеру тех мусульманских племен, между которыми они живут, имеют и более чем по одной жене, но не более трех.

За неделю до свадьбы жених приготовляет кушанье для раздачи тем лицам, которые находятся в трауре по своим родным, умершим в том году; это делается в тех видах, чтобы они дали ему позволение сделать свадьбу в их траурное время, ибо без такого позволения нет обычая играть свадьбу.

В начале недели перед свадьбой невеста требует к себе двух девушек из своих подруг: они должны прислуживать ей, помогать шить ее свадебные одежды и находиться при ней до бракосочетания ее: они получают наименование согдуши, то есть прислужницы. В субботу вечером эти две согдуши отправляются ко всем девушкам по деревне звать их к невесте, причем они говорят: девушка такая-то (имя ее и имя ее отца), приходите спать к невесте (имя ее и имя отца ее): вас просят. Девушки, собравшиеся к невесте, должны оставаться у нее до выхода ее замуж. Обыкновенно совершают брак в среду вечером, и очень редко в четверг и пятницу. От воскресенья до среды все девушки сидят у невесты по целым дням; там они кушают, поют и танцуют. В течение этих трех дней каждое утро и вечер невеста с девушками выходит на крышу своей сакли, и там они поют татарские песни. Когда кончают петь на сакле, невеста отправляется с визитами к тем родственникам своим, которых она приглашает на свадьбу. Она рассказывает в сопровождении девиц по улицам деревни с пением, игрою на барабанах и с танцами и заходит по домам приглашаемых; там принимают ее весьма хорошо. После угощения приглашаемые дают невесте подарки, и она со своими девицами, как прежде, с музыкой, танцами и пением возвращается к себе домой. Так проводит время невеста в течение последних трех дней до свадьбы.

Теперь посмотрим, что делается у жениха. В течение этой же самой недели к жениху собираются женщины из его семьи шить и готовить ему одежды к свадьбе, за что он их угощает и дарит им разные подарки, как, например, шелковые рубашки и платки. В четверг вечером к жениху приходят два шафера, называемые бирорами (если же один из этих бироров есть брат жениха, то он называется думором). Эти два думора или бирора должны неотлучно находиться при женихе до субботы. В пятницу готовят кушанья для гостей, и вечером после молитвы отправляются оба шафера к жителям деревни приглашать их к жениху и говорят там молодым парням, еще холостым, когда такие находятся в каком-либо доме: «Кто еще не был венчан, да будет у него венчанье такое же, – к жениху пожалуйте!» За это приглашение там их хорошо угощают. Приглашенные собираются в доме жениха и

пируют до глубокой ночи. В субботу, после утренней молитвы, шафера приглашают всех домохозяев еще раз к жениху на угощение. В старину был обычай, что в субботу утром приходили к жениху только одни старики, но теперь приходят все мужчины без исключения; там они веселятся до полудня. В полдень мужчины уходят, а вместо них являются женщины; они поют и танцуют там до вечера.

В воскресенье отправляются молодые люди в лес набирать дрова для топки и приготовления свадебных надобностей. Когда привозят эти дрова на своих ишаках, то жених привязывает платок каждому ишаку на голову – подарок хозяина ишака за труды.

В понедельник вечером все молодые люди, которые привезли дрова, собираются к жениху, и там они гуляют целый вечер. Еще за день до этого приходят музыканты (зурначи и барабанщики); женщины и девушки встречают их на улице с радостью, каждая женщина выносит им навстречу посуду с чуреками, держа ее на голове. Когда музыканты входят во двор жениха, все девушки начинают петь и плясать, а старухи бьют в ладоши под оглушительные звуки зурначей и барабанщиков. Так гуляют в доме жениха до среды.

Во вторник готовится в доме невесты обед, состоящий из плова и кур, взятых у жениха, для всех жителей деревни; в числе их находятся отец и братья жениха, но сам жених там не бывает. По окончании обеда, который продолжается до вечера, все отправляются к жениху; там забирают все одежды, наряды и подарки, которые жених приготовил своей невесте, и относят их к невесте с особым церемониалом, который совершается таким образом: каждый мужчина берет из дома жениха факел, чтобы освещать улицы, а женщины берут большой круглый медный поднос, на который кладут две чашки (около двух гарнцев) сарачинского пшена и двух кур, на них же кладут все подарки жениха для невесты; этот поднос поднимает одна женщина и ставит его на свою голову, держащие факелы идут впереди, а за ними следует эта женщина с подносом; за ней другие женщины несут на головах своих подносы с чуреками, затем идут зурначи и барабанщики и играют; за музыкантами следует остальной народ с факелами, крича «Ура!». Старики и старухи танцуют, а девушки поют всю дорогу до прибытия к дому невесты. Оттуда выходят им навстречу, принимают от них факелы и ставят их во дворе; музыканты играют, все танцуют, а молодые люди в честь невесты стреляют из своих ружей и кричат «Ура!».

Из тех двух кил пшена и двух кур, которые жених послал невесте, готовится закуска для согдушей и девушек, находящихся неотлучно при невесте. В тот самый вечер эти девушки целую ночь поют и увеселяют невесту и говорят ей: «На шевла михмун дадай, йа дукла русмун дадай», то есть только этот вечер ты гостя у матери твоей, еще последнее веретенце осталось тебе выпрясть для матери твоей, потому что завтра среда, – она после свадьбы оставит дом родных и перейдет в дом мужа. Невеста в тот вечер одевается во все лучшие наряды свои, а сверху закрывается шелковым платком; девушки поют и танцуют у ней до полуночи. В этот вечер также в обычае выкрашивать невесту и ее подруг, то есть их руки и пальцы, красной краской.

В среду утром отправляются шафера и музыканты ко всем хозяевам за получением от них подарков, таких как табак, вино, платки и т. п. Потом они приходят к молодым женщинам, которые в тот год вышли замуж, и берут их в дом жениха (потому что со дня их свадьбы до этих пор они еще не выходили из дома, ибо почти полгода после свадьбы они стыдятся выходить на улицу). Когда эти молодницы приходят в дом жениха, в то время две женщины из того дома дают мимическое представление. Одна из них одета как мужчина, вооружена с ног до головы и держит палку в руке; лицо ее покрыто платком, а на голове папах; другая одета как обыкновенная татарка: они обе танцуют, прыгают и целуются. Тут музыка начинает играть, и народ окружает их. Женщина, которая одета по-мужски, разгоняет его палкою своей, но в это время кто-нибудь из народа похищает другую женщину, ее любовницу, и потом прячут ее где-нибудь; одетая по-мужски ищет ее и, не находя, начинает сильно пла-

кать, бьет себя в голову и в грудь и падает на землю в обморок. В то время является любовница и, увидевши ее лежащую в обмороке, подходит к ней, рассматривает ее осторожно, дышит ли она, плачет, рыдает, бьет себя кулаками в грудь, голову, как бы оплакивая своего любовника или мужа. Скоро мертвый поднимается с земли, – она радуется, обнимает его и целует; потом обе начинают своими палками разгонять и бить народ, отчего поднимается страшный и дикий смех; все хохочут, бьют в ладоши и кричат «Ура!».

В тот день (среду) жених и невеста постятся, то есть они ничего не едят и не пьют целый день. В то время, когда жених бреет свою голову, молодые люди выезжают на своих лошадях, разгуливают по деревне и джигитуют. Когда жених окончит бритье головы, ему подают лошадь; он садится на нее и вскачь пускается к своим товарищам, и, когда он подъезжает к ним, они все встречают его с большим радушием, крича ему: «Ой атлан, атлан гиов, Темир-хан атлан гиов!», то есть «Ты, жених, едешь на коне своем, как Темир-хан ездил во время своего царствования!». Когда жених проезжает мимо домов деревни, то все женщины выбегают из своих саклей и бросают муку на его плечи. Потом жених пускается вскачь вперед, вся молодежь за ним вслед, прямо на берег реки, – там жених купается, а молодые люди надевают на него венчальные одежды, кладут ему на лоб немного перегоревшего пепла в знак траура по Иерусалиму и поют все вместе плачевным тоном 137-й псалом Давида «На реках Вавилонских мы сидели и плакали, вспоминая Сион» и пр.

В то самое время невеста должна также выкупаться или в реке, или в сделанной нарочно для такой цели у евреев купальни, называемой миква (древнееврейское слово и означает: собрание воды в одном месте). Когда жених оденется, молодые люди закусывают тем, что они с собой привезли; но жених не участвует в этой закуске по причине поста, как я выше сказал. Когда они все готовы возвратиться, жених говорит им: «Кто желает из вас поскакать и прилететь поскорее к невесте, известить ее, что я уже совсем готов?» Два или три из них пускаются как стрелы, и кто скорее успеет прискакать к невесте и передать это известие, тот получает от нее шелковый платок; этот платок привязывают к шее коня, а на лбу его разбивают яйцо, чтобы коню не повредил дурной глаз. Второй и третий, прискакавшие после, получают по одной курице и по кувшинчику вина. Когда жених сам въезжает в селение со своими проводниками, то все жители деревни выходят к нему навстречу с вином и шашлыками, угощают ими его проводников и пьют за здоровье жениха, целуя его в голову, а остальное раздают бедным семействам. Тут женщины из фамилии жениха подходят к нему, неся на головах своих подносы, на которых лежат чуреки, а в чуреки вставлены восковые, тоненькие свечи, некоторые же держат еще свечи в руках. Между этими женщинами стоит енга, то есть сестра жениха или одна из ближайших его родственниц; ее обязанность стоять возле жениха со свечкою в руке и петь до вечера: «Ой атлан, атлан гиов, Темир-хан атлан гиов!» Все женщины танцуют в присутствии жениха. Тогда раввин со своими учениками подходит к нему и поет следующую песню (перевод с древнееврейского стихотворения):

Израильтяне, пойте в честь жениха песню, жених радуется своею невестою, невеста радуется своим женихом. Аллилуя! Аллилуя! (Строфа повторяется после каждого стиха.)

Жених сияет, как утренняя звезда, и невеста прекрасна, как царица, – да будут они оба сиять утром и вечером постоянно в израильском народе.

Божеское благорасположение да будет к нам во время жениха и невесты, – да будет радость и веселье в израильском народе.

Избавитель от всех бед да прибудет во время жениха и невесты, совершит подвиги, как Ионафан, и доживем мы до пира Левиафана в храме Иерусалимском (по верованию простого

народа из евреев, во время пришествия Мессии Бог сделает большой пир для праведников; на этом пиру будет большое блюдо из кита, называемое евреями Левиафаном. Простой народ полагает, что Левиафан занимает своей величиною весь океан и что его мяса достаточно будет для всех праведников мира).

Жених и невеста как звезды блещут, – да будут благословенны они Богом Израиля!

Жених в кругу своем как царь, – беседа его усладительна. И невеста его, как Сара, дорогая мать израильского народа.

Дела его добры и справедливы, да спасет его Бог от всех бед! И невеста его, как Ревекка, да заслужит славу в израильском народе.

Да проживет жених долго, и невеста да будет благословенна до тех пор, пока вспомнит Царь Небесный о бедном рассеянном израильском народе.

Жених очень милостив, душа его весьма добра, и невеста его как Лия, да оставит по себе имя в израильском народе.

Да будет он счастлив, ибо его грехи сегодня Богом прощены и невеста его да будет, как Рахиль, жена Иакова, отца и патриарха израильского народа (по верованию евреев, в день бракосочетания под балдахином прощаются Богом жениху все грехи, какие он сделал с 13-го года до свадьбы, ибо за грехи от рождения до 13-го года ответственны родители).

Да снабдит его Господь всем добром и да отмстит его врагам, а невеста его да будет как Иохевед, мать Моисея, пророка и законодателя израильского народа.

Жених венчан, как царь, и одет в лепоту, – да будет он сиять, как звезда, в израильском народе.

Во время его да распространится учение, как светлые лучи солнца, и невеста его да будет как Дебора, верная правительница израильского народа.

Невесту он выбрал благочестивую: она хороша, как Милна, мать Бефуила.

Жених сияет, как луна, – да будет он жить сто лет, и его невеста да будет как Анна, мать пророка Самуила.

Помоги нам, Боже, что мы во время жениха увидели возобновление нашего храма на святой горе Мории, и невеста его да будет как Авигаил, мать пророка Даниила.

Жених наш весел, Бог простил ему грехи, и невеста как Эсфирь, дочь Авгаила, спасшего израильский народ.

Помогите петь в честь жениха и невесты, кои оба чисты от грехов, сияют и блещут в израильском народе.

Пой и ты, жених, вместе со своею невестой; радость ваша теперь велика; обрадуйте также и увеселите израильский народ.

Жених высок, как кедр ливанский; да поможет ему Бог Всемиловитый с нами вместе повеселиться в храме Иерусалимском.

Повеселите все нашего жениха и его невесту – да процветут они, как розы и цветы душистые, и да доживем все увидеть святой град Иерусалим – местопребывание некогда Иеговы, Бога израильского народа.

Благослови их, Боже, с высоты Твоей, и да будут дети их и внуки людьми благочестивыми, добрыми, честными и богобоязливymi в среде израильского народа!

Раввин кончает эту песню и провожает, со своими учениками, жениха домой; там пред женихом танцуют старики и старухи, – этот обычай у них весьма древний. В то время раввин, отец жениха, его остальные сыновья, старшина с депутатами от общества – все отправляются к невесте, проверять по счету весь гардероб ее, вещи, посуду, постель, а также деньги и вообще все приданое ее.

Когда окончат оценку и проверку (эта оценка необходима для внесения ее в условие на случай развода), все они возвращаются к жениху и ведут его с собой к тем лицам, которые носят траур в том году по умершим своим родственникам. Жених должен еще раз просить у них извинения и разрешения на свадьбу. Дело понятное – его хорошо и ласково принимают, дарят ему еще подарки, и он, целуя руки у хозяев, уходит со своими провожатыми домой, откуда ведут его уже в дом невесты. Там для него готово особое место; возле него садится вся молодежь и почетные старики.

В то время входит мать невесты. По обычаю, она должна подойти к жениху, держа в руках новую папаху, серебряный пояс и красный шелковый платок. Жених тотчас встает с места, сложа руки накрест на груди, наклоняет голову и стоит пред нею, как подчиненный, целует руки ее и хочет упасть на колени, но она не допускает его до этого. Она надевает папаху на его голову, опоясывает его серебряным поясом и навешивает на пояс красный шелковый платок, целует его в голову и затем танцует с ним немного... В эту минуту молодежь кричит: «Гой шабаш!» Гой шабаш!» Мать невесты уходит, а старики и старухи из фамилии невесты начинают танцевать пред женихом, по обряду своих предков; после танца они целуют его в голову и дарят ему подарки. В то время невеста сидит в особой комнате, окруженная своими согдушами и девицами, которые поют различные песни, бьют в ладоши и в барабаны. Между тем на дворе готов уже балдахин, который составлен из четырех длинных палок, накрытых большим шелковым платком; молодые люди держат эти палки, а другие окружают балдахин, держа в руках зажженные нефтяные факелы; женщины же держат в руках восковые свечи.

Под этот балдахин подводят жениха; отец его с раввином заходят также к жениху под балдахин, и все ожидают невесту. Тогда брат невесты отправляется и зовет ее к венчанию, а согдуши берут и ведут ее к балдахину. Так бывает в таком случае, когда венчание происходит на дворе невесты. Когда же венчание бывает на дворе синагоги, то в таком случае невеста должна ехать туда верхом, на хорошем коне, брат же ее должен вести этого коня; согдуши ее должны провожать ее также верхом на лошадях и держать зажженные свечи в руках. Когда невеста подойдет под балдахин в сопровождении своих согдушей, тогда отец и братья ее также подходят под балдахин. Раввин исполняет все обряды венчания точно так же, как и у европейских евреев, то есть по религиозным установлениям талмудистов; разница только в том, что у европейских евреев невеста обходит кругом жениха семь раз, а у горских евреев такого обычая не существует.

Когда раввин прочтет все молитвы и брачные условия, тогда вся публика кричит громким голосом: ура! Согдуши выводят невесту из-под балдахина, брат ее подсаживает ее на коня, и в это время все молодые люди начинают стрелять, один за другим, в честь новобрачных. Сестра невесты, называемая енгой, должна ехать также верхом на другом коне позади невесты и держать свечу в руке. Если же у невесты сестры нет, то должна другая девушка из ближайших ее родственниц исполнять обязанности енга. Брат ведет коня, на котором сидит невеста, и все девушки провожают ее пешком до самого дома жениха. Когда невеста отправляется, жених еще остается под балдахином, и раввин с учениками поют тогда следующую песню (перевод с древнееврейского):

Адам в наряде обвенчался с Евою – он знаменит между мужами, она
знаменита между женами.

Ной в наряде обвенчался с Наамою.

Авраам в наряде обвенчался с Сарою.

Исаак в наряде обвенчался с Ревеккою.

Иаков в наряде обвенчался с Лиею и Рахилью.

Иосиф в наряде обвенчался с Оснатою.

Моисей в наряде обвенчался с Цеперою.

Аарон в наряде обвенчался с Элисевою.

Давид в наряде царском обвенчался с Батшевою.

Соломон в наряде царском обвенчался с Наамою.

Жених (имя его и имя его отца в наряде обвенчался с невестою (имя ее
и имя ее отца) – он знаменит между мужами и она знаменита между женами.

По окончании этой песни раввин с учениками провожают жениха домой. По дороге новобрачной в дом мужа все женщины выбегают из домов своих и бросают на нее сарачинское пшено в пожелание ей плодородия, то есть чтобы она родила много детей. Таким же образом встречают ее и все женщины, находящиеся в доме новобрачного, осыпая ее сарачинским пшеном. При входе в дом она должна перешагнуть через кусок железа, положенный при самых дверях, – это делается в залог ее здоровья и счастья. Тут же подносят ей два стакана, один с медом, а другой с маслом; невеста кладет свою правую руку в мае-ло, а левую в мед и должна помазать немного надверный косяк обеими руками – это делается в знак благополучной и роскошной жизни.

При входе в дом брат невесты, который вел коня ее, делает в честь ее шабаш, то есть он танцует лезгинку с нею, а молодые люди стреляют и кричат: ура! Прислуга подносит народу вино, и все пьют за здоровье невесты. Невесту отводят в особую комнату; возле нее должна сидеть енга с двумя согдушами. Из каждого дома приносят на свадьбу по 3 чурека, с яйцами и мясом; возле дверей стоит человек, который все принимает это от приносящих.

Вечером собираются жители на свадьбу; жених садится, и возле него расстилают большой шелковый платок, на который кладутся подарки, деньги или различные серебряные и золотые вещи от лиц, подходящих к жениху с поздравлением; возле платка стоит человек, который провозглашает, кто именно и сколько дает, причем говорит: «Гой шабаш! такой-то сегодня принес в честь сына, дочери или брата пять рублей». В это время подходит мать жениха, с его родственниками; она держит тарелку, на которой лежат три чурека, окрашенные разными красками; в каждый из этих чуреков вставлено по три тоненьких восковых зажженных свечи, а возле свечей лежат три яйца и три яблока; в яблоки воткнуты монеты. Мать подает это сыну, а глашатай объявляет, сколько денег дает мать и сколько родственники. Такие же подарки собираются и невестою от женщин.

Когда все подарки соберутся, жених принимает их по счету, при свидетелях, и потом все садятся ужинать. После ужина кому угодно, тот уходит домой, а остальные мужчины и

женщины танцуют лезгинку при звуках зурны и барабана, до самого рассвета. Когда наступает полночь, согдуши и енга выходят из комнаты невесты, а шафера вводят к ней жениха. По окончании брачного акта жених немедленно выходит оттуда, и в ту же минуту входят туда опять согдуши с енгою; молодой муж отправляется в особую комнату, и в это время шафера его стреляют из своих ружей, чем дают знать, что дело окончено благополучно. Молодая жена его не слезает с постели 7 дней; енга с согдушами прислуживают ей в течение этого времени; каждый день приходят к молодой жене все ее подруги – веселить и утешать ее. В субботу и в следующую среду после семи дней свадьбы собираются к молодому мужу все молодые люди, а к новобрачной – все девушки и пируют у них – поют и танцуют в последний раз: молодой чете дается с этого дня свобода и право заниматься своими делами.

Горские евреи, мужчины и женщины, одеваются в те же костюмы, какие носят племена, между которыми они живут. Лучшие наряды женщин постоянно заперты в сундуках, и они ходят одетыми весьма просто и бедно, другие даже в лохмотьях; но в редких случаях, как, например, на свадьбы и в годовые праздники, они наряжаются довольно щеголевато. Мне пришлось видеть обряды, какие бывают у них при рождении детей. В селении Мамраш, в Кюринском округе хозяйка, у которой я стоял на квартире, родила сына. Рожала она лежа на земле, в особой комнате; постелью ей служила солома. Когда дали знать хозяину, что жена его родила, он пришел, и первым делом его было зажечь свечи и прибить к стенам бумажки, на которых написаны имена различных ангелов, предохраняющих новорожденного от злых духов и недобрых приключений; посторонним был запрещен вход к родильнице.

Через несколько дней стали посещать ее деревенские женщины. На 8-й день от рождения дитя было обрезано по установлению закона Моисея. Резник, занимающий должность раввина, сделал эту операцию весьма искусно, да и вообще горцы мастера заживлять раны, в особенности же евреи: они имеют такой порошок, который насыпают на рану, и она очень скоро заживает.

Церемониал обрезания бывает или в синагоге, или в доме родильницы. В укреплении Грозном я присутствовал также при обрезании. Церемониал был на дворе родильницы и в самое холодное время декабря месяца 1868 года; общество собралось там на дворе, и, несмотря на большой мороз, резник, тамошний раввин, совершил операцию весьма хорошо. После обрезания устроили длинные столы на дворе, на столах поставили кувшины с вином и водкою, вареных и жареных кур и гусей, которых они, без помощи ножей и вилок, разрывали пальцами на куски и ели без хлеба, стоя коленями в снегу.

Есть у них еще обычай, что если родильница сильно страдает при родах, то берут на кладбище землю от могилы кого-либо, умершего в течение 40 дней до времени ее родов, кладут эту землю в стакан с водою и дают родильнице выпить эту воду, с верою, что это будет полезно для родов и плодородия вообще; если же такое средство не помогает, то выкапывают из глубины той же самой могилы еще раз землю, кладут ее, так же как и прежде, в воду и дают ее выпить. Все это делается без позволения раввина, ибо раввины настрого запрещают такой способ лечения.

Они дают своим детям имена самая древнееврейские, которые теперь не в употреблении у европейских евреев. Это доказывает, что они должны быть потомки тех евреев, которые взяты были в плен Салманасаром ассирийским, еще во времена первого существования храма Иерусалимского, ибо употребляемые у них имена, мужские и женские, употреблялись еще во время странствования евреев в Аравийской пустыне и во время судей и царей израильских.

Привожу здесь некоторые из таких имен, для примера. Имена мужские: Мамре, Гамлиил, Аминодав, Нахшов, Эльдод и др., принадлежащие ко времени странствования евреев в пустыне; Элькона, Осниил, Уфтах и Монеах, принадлежащие ко времени судей; Авнер,

Беноиогу, Иоав, Цефаня и много других, принадлежащих ко времени Израильского царства, при первом храме.

Женские имена: Авигаил, Авишаг, Оснат, Билга, Махдас, Серах, Ленина, Керенгапух, Шунамит, Иоэль, Иемима, Иска и пр., не существующие вовсе теперь у европейских евреев.

Молитвы у горских евреев те же самые, как у европейских евреев-талмудистов, большею частью по ритусу знаменитого раввина Х.И. Азулои. Молитвы они совершают: утреннюю, когда солнце восходит, и вечерние – при заходе солнца и при явлении звезд на небе...

Синагоги у горских евреев устроены везде по одному плану, в татарском вкусе, и все похожи на мусульманские мечети. Женщины не посещают синагог, а во время молитвы некоторые приходят и становятся под окошками синагоги, до окончания богослужения. Большею частью читает только раввин; все же остальные стоят или сидят молча и слушают моления раввина. Раввин, во время молитвы, стоит лицом к западу, против храма Соломонова в Иерусалиме.

Горские евреи занимаются преимущественно торговлей. Но многие из них выделывают также сафьян, занимаются мареноводством, разведением фруктовых и виноградных садов, для которых потребное количество земли арендуют у землевладельцев на разных условиях или приобретают покупкою, занимаются еще виноделием и разведением простого сорта табака. Жизненные припасы они приобретают у туземцев или у русских на деньги или выменивают на мелкие товары.

Воинствующий Израиль. Неделя у дагестанских евреев. 1880

Василий Немирович-Данченко

Василий Иванович Немирович-Данченко (1844–1936) – русский писатель, путешественник и журналист, старший брат известного театрального деятеля Владимира Ивановича Немировича-Данченко.

С конца 1860-х годов начал печатать в «Отечественных записках», «Вестнике Европы» и других изданиях художественно-этнографические очерки, выходявшие позднее отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы»). Отличался творческой плодовитостью. Автор большого количества очерков и описаний многочисленных путешествий – «Страна холода», «По Германии и Голландии», «Очерки Испании», «Земля Марии Пречистой», «Кама и Урал» и многие другие. За весь период творческой деятельности Василия Немировича-Данченко было опубликовано более 60 томов его произведений, а его кавказские очерки были отмечены даже графом Львом Толстым.

От автора

Неделя под южным солнцем, неделя постоянно сменяющихся, ярких впечатлений среди чудных горных пейзажей, нигде и никогда не повторяющихся.

В этой рамке – клочок семитского племени, давным-давно заброшенный в кавказскую глушь, в среду чуждых ему и даже враждебных народов. Уголок завесы приподнят над борьбою, продолжавшеюся тысячелетия. Видишь, как эти обломки воинствующего Израиля крепили и вырастали в смелых и сильных людей на земле, облитой кровью, на скалах, уходящих в поднебесье.

Тут же рядом – драма изгнания... Обманутые мусульмане горцы, возвращающиеся из негостеприимной Турции домой, чтобы умереть среди безлюдных и молчаливых развалин родного аула, если уже нельзя жить в этих полуразрушенных саклях, где теперь только горные орлы выют свои гнезда.

Отчего наши евреи выродились, отчего русский Израиль развратился? Разве менее кровавая борьба досталась на долю его собратий, заброшенных в горы Дагестана, разве не столь же томительно было их прошлое, разве они не страдали, не плавали такими же горючими слезами?... Древний еврей тут весь перед вами.

Я не хочу ни ненавидеть, ни защищать. Я говорю только о том, что видел, и затем ставлю вопросительный знак.

Глава 1

Ночь в горах. Трагический злодей Магомед-оглы

Пахнет с утра жасминами. Кажется, дышишь не воздухом, а ароматом горных цветов. Глаз устает следить за извивами ущелий, за гребнями гор, за их вершинами, то выступающими серебрёнными куполами на яркой синеве чистого неба, то пропадающими вдаль, чтобы минуту спустя опять замерещиться едва различаемыми контурами.

Грохот ручьев справа и слева... Ручьи впереди, ручьи позади... Точно попал в заколдованное царство текучей воды. Поневоле забудешь и неудобный ночлег в горах, и недавнюю усталость, и неудачи на охоте за каменными баранами-турами.

Или во мне совершенно нет инстинктов охотника, или я просто еще не усвоил всей прелести этой беспощадной травли – не знаю. Только как в Лапландии мне жаль было бить диких оленей, так и здесь рука не подымалась целить в эти красивые силуэты гордых животных, словно наслаждающихся с высоты своих неприступных скал громадною панорамой долин и ущелий, раскидывающихся под ними внизу.

Говорят, что тур по ветру не подпустит к себе никакого охотника, говорят, что, застигнутый врасплох, он «головою вниз бросается в пропасть и, ударившись лбом о камень, становится на ноги», – не знаю. Охотники – лгуны по принципу, натуралисты имеют слабость верить им, ну и Господь с ними... Ведь рассказывал же мне мой милейший спутник, Аду-Ника-Магомед-оглы, что жил у них в ауле некто Ходжал-Махи, умевший привораживать туров. От одного взгляда этого дагестанского нимврода каменные бараны делались неподвижными и подставляли грудь под пулю его ружья. Да и ружье у него было тоже заколдованное. Оно само поворачивалось дулом в ту сторону, где находился тур. Ходжал-Махи только и делал, что спускал курок.

– Ну а теперь у вас таких охотников нет?

– Нет... как русские пришли, ни одного не осталось. Перевелись все. Теперь только Юнус-оглы и ходит на туров из нашего аула. Остальным и дела нет... Молодежь – та тоже портиться начинает... Недалеко время, когда горные орлы домашними курами станут, а мужи вместо женщин детей рожать начнут. А все урус!

И Магомед печально покачал головою.

– Прежде, – горячо заговорил он, – у нас судился народ по адату или шариату. Теперь русские своих судов понаделали... Тут недавно какое дело было. Мальчик Кур-бан-оглы застал мать свою в поле с Сулейманом, соседом ихним. Разумеется, не добрым делом занимались они. Ну а мальчик хорошей крови был, не стерпел бесчестия и убил Сулеймана кинжалом. Что бы ты думал, вместо того чтобы оправдать его, как было бы у нас прежде, русский суд запер его в тюрьму!

– А сколько лет убийце?

– Тринадцатый только. Совсем напрасно пострадал, бедный.

– Неужели же прежде у вас так бы и оставили это дело?

– Зачем так! Тоже совесть была! Родные Сулеймана стали бы мстить. Правильное дело было бы – кровь за кровь; молодежь смелость и удалство показать бы могла... А теперь? Прежде народ честь знал, за обиду кинжалом расправлялся. Мужики были, а теперь бабами стали. Чуть что – к начальству бегут. Какого еще позора ждать?

У нас здесь есть один такой, жену свою поймал в кунацкой с гостем. Что бы ты думал? – с ужасом обратился ко мне Магомед. – Убил он их? Нет. Жене развод дал и на обольстителя ее, собачий сын, пошел жаловаться в суд. Просто им жить не стоит нынче... Кто говорит, все мы в молодости на эти дела ходили. Кровь играет, поневоле к соседу залезет жену воровать.

А только мы знали, что голову свою за это несем, знали, что если оплошаем, так и совсем домой не вернемся!

А ночь действительно выпала на нашу долю плохая.

Черною пастью лежала еще ввечеру перед нами пещера. Мы забрались туда часа на два, пока не взойдет луна. В потемках нечего было и думать пускаться на удачу. На первом же повороте тропинки и мы, и лошади свернули бы себе головы. Кое-как в глубине грота удалось развести костер. У входа темнела холодная мгла. Злобно шипя, колыхалось пламя, с тихим свистом пробегало оно вверх по ветвям сухого орешника, и когда между ними попадался корень, узловатый и толстый – снопы золотых искр падали на черные плиты. Вверху то клубился дым, то багровый отблеск играл на сталактитах.

Костер погас скоро, только, тускло отгорая, еще шипели смолистые сучья. Около пещеры фыркали лошади.

– Теперь пора! Поедем!

Мы встали и вышли.

Высоко горели звезды в ночных небесах, разливая серебряный свет. Из мрака выступали утесы; вон один прямо перед нами, точно матово-белая глыба. Внизу, обьятая туманом, долина как пропасть легла. Только какой-то огонек на самом дне ее то вспыхнет, то замрет...

– Костер тоже, – пояснил Магомед. – Тоже луны ждут.

Вон бьется и плещет горное озеро, дробится в огнистые искры. Точно призраки, из расщелин ползет, растет и клубится мгlistая тьма.

И вдруг... Точно багровым заревом разом облило застывшую в голубом блеске окрестность. Месяц показался за Шайтан-горою. Далеко впереди зазмеились извивы тропинки, массы гор определились. Где прежде был однообразный фон, теперь легли оттенки ущелий и выступов. За пропастью налево, на склоне горы, засверкало несколько огоньков. Это горный аул, еще незаснувший... Лунный блеск красным заревом лег на его плоских кровлях, обдал багровым отсветом круглую, суживающуюся кверху башню минарета. Новый поворот дороги – и опять перед нами пустынная местность.

И мы тронулись вперед... В убогих ущельях нас охватывала со всех сторон влажная тьма, теплым и несколько душным воздухом обдавало на скалистых гребнях. Приходилось лепиться почти по отвесным скалам, ползти вдоль пропасти, так что кони сплошь наседали на левые ноги, чуть дотрагиваясь до обрывистого края тропинки правыми.

Словно черные пятна на серых утесах выделялись гроты. Некоторые из них искусственные. Одни высечены троглодитами в незапамятную старь, другие – в позднейшие времена жителями окрестных аулов, спасавшимися сюда от набегов осетин валаджарских. Какую эффектную картину должны были представлять эти отвесные стены, когда временное население их пещер раскладывало по ночам огни, когда на высоте воздушной сверкали эти щели, как пламенные жерла, среди окружающего мрака и безмолвия, над обезлюдевшими аулами мирных долин. А на вершинах гор одни за другими вспыхивали зловещие костры, разнося далеко, за десятки верст, смутный слух об опасностях осетинского набега.

Встал и зашел месяц. Побледнели яркие звезды. Вершины заалели под зарею... А мы все еще были на конях.

Все доступное оку сверкало под заревыми лучами. На изломах утесов, в серебряном дожде небольших водопадов, в водах спокойного горного озера блистали эти лучи. Огнистая вершина Халта-горы казалась алтарем, а вокруг, как цари этого пустынного мира, сияли под зарею своими горящими венцами утесы и скалы в бесконечную даль уходившего нагорья. Огневые моря раскинулись на нем ледники. А серые туманы под блеском весеннего дня еще клубились в глубоких долинах. Сквозь их разорванный покров кое-где зеленели сады. В одном месте над тучей, точно бирюзовая, голубела верхушка минарета, словно она плавала в волнах этой медленно зыблющейся мглы.

Прелестно начался этот веселый день, приветствуя нас, одиноких странников, запахом жасминов и веселым говором в алмазную пыль пробившихся ручьев.

Тут-то мой кунак и благоприятель Магомед пожаловался на растление современных нравов в Дагестане.

– Все-таки прежде хуже жилось, – рискнул заметить я.

– Почему хуже? – Магомед даже приостановился.

– Убийств было много.

– Может быть, ты и хороший человек, да урус. У вас у всех руки сильные, да души воро-бынные. Разве подобает мужу крови бояться? Разве не весело, когда кругом звенят шашки и порохом пахнет? Эх, было время! Для храбрых людей не нужно было и повода, чтобы поработать кинжалом. Вот тут недалеко случай был: из-за плети триста человек зарезано.

– Это же как? – невольно удивился я.

– Э, а так, что прежде люди были, а не бабы. Сосед у соседа плеть взял, да забыл воротить ее. Хозяин обругал его, он схватился за кинжал. А в это время народ из мечети шел. Весь аул на две партии разделился. Одни пристали к хозяину плети, другие к его соседу, и пошла «веселая игра». Триста мертвых ввечеру и подобрали... Было время!..

Я невольно приостановил лошадь, чтобы на случай быть подальше от этого любителя «веселой игры»...

Магомед был человек совершенно искренний. Старик, некогда непримиримый враг русских, один из самых неукротимых узденей Хаджи-Мурата, а теперь старшина своего аула, он вырос при такой обстановке, где кровь не считалась ни во что, а жизнь человеческая ценилась дешевле цыпленка. Представьте себе худое и длинное лицо, с длинным, клювообразным носом. Седые космы усов и бороды совершенно скрывают рот, из-под далеко выдавшихся щетинистых бровей неотступно смотрят на вас грозные очи недавнего мюрида, сотни раз встречавшие смерть и наверное не опускавшиеся перед нею. Лоб и щеки в морщинах, и каждая врезана глубоко, точно острием кинжала. Сухая грудь, сухие, узловатые руки. На коне сидит – точно прирос к нему. Как будто в противоречие самому себе, тот же мюрид Магомед, повествующий о прелестях «веселой игры» и предпочитающий запах пороха и крови благоуханию жасминов, – страстный любитель котят. Даже смешно было видеть эту сумрачную, грозную фигуру, этого «трагического злодея», по-детски забавляющегося с котятами, которых он себе укладывал и за пазуху, и на шею. Того же Магомеда, несмотря на все его величие, ничуть не боялась аульная детвора. Все это голое, толстобрюхое, но неизменно выбритое потомство при каждой встрече с Магомедом непременно потребует от него сказки или лаблабов – местного лакомства. И трагический злодей возится с ними, как с котятами! Судите после того о человеке. Тот же Магомед, ради моего, например, спокойствия готов был сложить голову и искренно обиделся, когда я ему предложил вознаграждение. А кто я ему, спрашивается?

Магомед отличался мягкосердечием и в других случаях. Так, например, если по дороге ползет какой-нибудь жук, трагический злодей непременно объедет его, чтобы не раздавить копытами лошади. Если где-нибудь в проулочке аула воет паршивая, голодная собачонка, Магомед ее подымет, принесет домой и накормит. Тот же трагический злодей Магомед славится своею игрою на чунгуре (род балалайки со стальными струнами), на котором играют посредством гибкой корочки черешневого дерева. Магомед сочинял сентиментальные песенки и зачастую плакал под звуки своей чунгуры.

А еще про того же сердобольного Магомеда рассказывают, например, такой случай. Давно как-то случилось ему быть на одной сходке вне его аула. Несколько человек позволили себе подсмеяться над ним и между прочим намекнули на то, что жену его Айшу-Мамаат-Кизы видели как-то с его двоюродным братом в том же положении, в каком исторический рогоносец Менелай застал прекрасную Елену с Парисом. Магомед затаил злобу. Он

на сходке никому не ответил ни слова, но, выехав из аула, притаился за первую попавшуюся по дороге скалою. Ждать пришлось ему недолго. Одного за другим он убил неосторожных шутников, вернувшись домой, зарезал Айшу и в ту же ночь покончил со своим легкомысленным кузенком. Десять лет после того он скитался по Вайтагу, взбирался и в елисейское султанство, – скитался больше по обычаю, чем избегая мести родственников своих жертв. Наконец, во время замирения ему удалось покончить с «канны» и вернуться домой. Тем не менее понятно, что жизнь его висит на волоске. Старые обиды не забыты, и, хотя Магомед прочитал убитым молитву «фатиха» и уплатил их близким деньги, ему все-таки добром не кончить! Магомед был «тоувадакивти», то есть принял присягу не пить опьяняющих напитков.

Вот еще случай для характеристики Магомеда – трагического злодея.

К нему, как к аульному старшине, приехал «нукер» от окружного начальника для взывания штрафных денег. Собрали наскоро всех властей, другого старшину Юсупа, аульного «крикуна» (глашатая) Мухаммеда. Явился и аульной писарь – тоже горец. При этом, как и следует властям, заспорили, откуда начинать, с южного или северного конца аула. Старики Магомед и Юсуп спорили истово, важно. Со стороны можно было подумать, что дело идет о судьбах целого населения, о чьей-нибудь жизни; наконец писарь решил перебраться горцев, подлежавших штрафу, с середины.

По узенькому переулочку, змеившемуся вокруг беспорядочно разбросанных саклей, сборщики поднялись к небольшой площадке, на которой, у самой мечети с круглым, суживающимся кверху минаретом, стояла жалкая, убогая сакля первого должника Курбан-оглы.

Самого его не было. Вышла жена его, голодная, истощенная женщина.

– С твоего мужа следует три рубля.

Та только широко раскрыла глаза:

– Спаси вас Аллах!.. Да у моего Курбан-оглы и денег таких никогда не было!.. За что?.. Что он сделал?

Мотивы своих решений окружные начальники не объявляют и оправданий никаких не принимают вовсе.

– Женщина, не говори лишнего!

– Да сжальтесь же над нами бедными, посмотрите, как мы живем.

Жили действительно ужасно. Сакля вся состояла из мазанного глиной плетневого короба. В одном отделении его стоял вол и корова, в другом жил несчастный Курбан-оглы. На его жене были лохмотья. Голый ребенок, какой-то жалкий, напуганный, словно дикий зверек выглядывал из-за дверей и поминутно прятался в душную тьму своего жилья.

– Что тут время терять! – вступился нукер. – Гоните корову. Коли через три дня не внесет штраф, продадим в городе.

Несчастливая даже не протестовала. Она только опустила руки, как-то разом поникла и помертвела вся, точно все внутри у нее осело, упало. Пока голодную коровенку выгоняли из хлева, слезы медленно струились по этому заостренному лицу. Только когда корову выгнали, она разом рванулась к ней, схватила ее за шею и точно повисла на ней.

– Убить вы нас хотите? Что вон те малютки есть будут, они ведь только и живут молоком. Больше у нас ничего нет... Маце, Ахмед!

Из сакли робко показался мальчуган, за ним едва переступала на маленьких ножонках крошечная девочка.

– У нас корову отнять хотите... – рыдала мать. – За одно и их схороните, все равно с голоду умрут.

Магомед по привычке, совершенно бессознательно, достал из кармана лаблабы и протянул горсть мальчику. А на лице сохранялось все тоже начальственное выражение и сумрачные очи так же грозно смотрели из-под седых, нависших бровей.

– Вола можно взять! – заикнулся нукер.

– Вол не ее. Вол братнин! – заметил аульный крикун.

– Нехорошо! – вдруг вырвалось у Магомед.

Все в изумлении оглянулись на него.

– Нехорошо! В самом деле умрут... Ишь какие маленькие.

И жилистая рука легла на голову крохотной девочки. Та даже присела от этой ласки.

– Нам рассуждать нельзя, – объяснял нукер, – мы посланы... велено...

– Что такое говорите вы там! – разгорячился Магомед. – Кто вас послал? Грабить хотите вы, что ли? У бедных детей кормилицу отнимаете. Что, они виноваты в том, что отец их Юсупу дерзость сказал? Виновата она, что ли?

И Магомед подхватил девочку, поднес ее к самому носу ни в чем не повинного и до сих пор молчавшего аульного крикуна-парня необычайно глупого вида. Букашка в сильных руках Магомед раскричалась.

– Что же, ты за нее заплатишь, что ли? – насмешливо спросил нукер.

– И заплачу. Гони корову назад.

– Плати, если богат!

Но роли благодетельного провидения Магомед не мог выдержать до конца. Точно желая ослабить впечатление, он разорался на бедную женщину. Та, впрочем, обрадовалась и стала перед ним, опустила голову, но уже с просветлевшим лицом.

– Чего ты тут! – кричал Магомед. – Что ты за хозяйка... Дети голые... Не бьет тебя муж, верно! Ишь ты, тоже плакать умеет. Приведи детей вечером – платье им дам да хлеба велю своей Заза отсыпать вам!

И он опять заорал и затопал ногами.

Оказалось, что трагический злодей является постоянно плательщиком за свой обедневший аул. Все ему должны. Недостача хлеба, другая какая необходимость – сейчас к Магомеду, и он, сохраняя тоже суровое выражение лица, поможет в действительной нужде. Да не так поможет, как помогает, например, наш деревенский мироед, заставляя должника работать на себя, идти к себе в кабалу. Нет, Магомед именно давал так, чтобы правая рука не знала, что делает левая.

Вот вам и трагический злодей Магомед-оглы!

Глава 2

Кай-Булагская щель. Фея духана. Баба-яга – костяная нога

Горный пейзаж как-то разом померк. Стало все сумрачно, даже, пожалуй, грозно. Представьте себе гору, которая треснула пополам. Щель, со стороны незаметная, блестит как острое ножа, когда тропинка поворачивает прямо к ней. Это даже не коридор, а просто трещина.

– Неужели дорога туда идет?

– Кай-Булагская щель называется. Сказывают давно тому назад, когда еще по всему Дагестану и уруса не бывало, когда наши жили как горные орлы, на всей своей вольной воле, один богатырь проезжал здесь. Десять дней и десять ночей на коне оставался, устал страшно, а тут вдруг крутая гора перед ним.

Ему-то ничего, коня ему жаль стало. Вынул он шашку и рубанул; с тех пор и явилась щель эта. Теперь таких богатырей нет.

По мере приближения к трещине слышался грохот воды, точно сворачивавшей с места громадные скалы.

– Что там, поток?

– Хорошо, что дождя нет, а то не проехать бы.

– Почему?

– А по всей щели, точно облако, вспененная вода бежит. Вниз с откосов ручьи стекают, ну и вздуется, шалит.

Раз тут целый джамаат наш сбросило, ни один жив не вышел. На середине горы дождь их захватил, ну до выхода они и не успели добраться. Тела ужасно избило водой о скалы. Трудно узнать их было. Сюда вот, в эту долину, снесло. С тех пор так и называем мы ее «мертвой».

Прямо у входа в щель был духан. Плоская кровля его далеко выдавалась вперед, образуя открытую галерею. По столбикам, поддерживавшим выступ крыши, ползли вверх виноградные лозы, переплетаясь в тысячи причудливых арабесок. Сквозь эту зеленую сеть ничего не было видно, зато когда, сойдя с лошадей, мы вошли туда, каким чудным уголком показался нам этот жалкий дагестанский кабак! Сквозь виноградные сети солнце играло на стенах дома изумрудным блеском.

На полу, везде, куда ни уходил взгляд, колыхались и вздрагивали тени от этой поэтической арабески. Солнечные блики ложились и на наши лица, и на темный ковер, и на длинные цилиндрические подушки. Даже на бурдюках играло оно зеленоватым блеском. Не хотелось сдвинуться с места, – так хорошо и приятно казалось здесь. Тем более что вокруг духана ложилась сумрачная окрестность бесплодных гор и каменных скал.

– Чей это духан? Должно быть, какой-нибудь армянин выселился сюда из Темирхан-Шуры или Кизляра?

– Еврей держит... Горский еврей... Бениогу называется...

Я сейчас же вспомнил целый ряд интересных этнографических данных, приведенных тифлисским ученым Иудею Черным об этой оригинальной отрасли семитского племени, заброшенной на Кавказ еще во время первого существования храма Иерусалимского. Полагают, что это потомки евреев, высланных сюда Салманасаром. Названный мною путешественник находил между ними имена, употреблявшиеся Израилем еще во время странствования в Аравийской пустыне, при судиях и царях, и не существующие уже у других евреев.

Таковы, например, мужские: Мамра, Гамлиил, Аминодав, Нахшон, Эльдот – и женские: Ави-гаил, Тунамит, Иемима, Иоэл, Авишаги т. д.

Вообще, только в последнее время кавказские исследователи пришли к убеждению, что главный хребет, Карта-линия и Кахетия некогда, еще ранее Салманасара, были обитаемы каким-то семитским племенем, не оставившим по себе никаких памятников. В обычаях кавказских горцев до сих пор хранятся следы этих аборигенов. Следуя свидетельству Пфафа, по коренному осетинскому нраву брат еще недавно был обязан жениться на вдове умершего брата. Кроме законной жены, достаточные осетины держали наложниц, дети от которых назывались «кавдасардами», оттого что они рождались в яслях, – все это учреждения чисто семитские.

Наружность, жесты, говор осетин напоминают евреев, обряды погребения и жертвоприношений во многом сходились с древнееврейскими. У коренных осетин, по тому же указанию г. Пфафа, сын, как и у семитов, остается всю жизнь при отце и беспрекословно подчиняется как ему, так и всем старшим в роде. У осетин встречаются еврейские имена местностей. Что семиты были аборигенами Кавказа и поселились здесь ранее XV века до Р. Х., доказывается тем, что племена горцев, смешавшиеся с ними и усвоившие себе их обычаи, вовсе не знают закона Моисеева. Против теории заселения древнего Кавказа евреями приводят обыкновенно неимение в существующих ныне языках местных племен еврейских слов. По кому неизвестно, что семиты, поселяясь в данной стране, тотчас же почти утрачивают свой народный язык, почему и «лингвистика к этнографии семитов трудно приложима». Ведь по исследованию того же Иуды Черного оказывается, что позднейшие, переселившиеся уже при Салманасаре сюда евреи утратили совершенно свой отечественный язык.

Еще во времена пребывания ев. Нины в городе Урбине, в Карталинии, она беседовала с местными евреями на их древнем языке. Точно так же она говорила и с мцхетскими семитами. Но во время персидского владычества в Закавказье здешние евреи усвоили себе древнеперсидский говор, называемый ими фарситским татским. В смешанном жаргоне горских евреев так мало древних отечественных слов, что, например, в отрывке, приводимом Иудой Черным, на шестнадцать строк их оказывается только два. Евреи, несмотря на последующее мусульманское владычество на Кавказе, остались и до сих пор верны древнеперсидскому языку, хотя во всем остальном, разумеется кроме религии, они совершенно отатарились. Даже самое имя хозяина духана, куда мы пристали, – Бениогу, дышало чем-то патриархальным, семито-арабским, и вовсе не напоминало нынешних Ицек и Срулей, так же как кавказские горные евреи вовсе не напоминают своих цивилизованных собратий в Европе, являясь племенем в высшей степени привлекательным...

Мы привольно расположились на тахте. Магомед без церемонии собрал несколько ковров, уложил их один на другой и пригласил меня улечься поудобнее. Сам он отправился поить лошадей. Солнце сквозь виноградные сети светило так ярко, откуда-то наносило такой нежный аромат незнакомых мне цветов, у самого уха так задорно и громко щебетали птицы, что я было стал забывать и оригинальное племя, среди которого находился, и исторические изыскания архивариусов науки. Благодатный весенний сон на воздухе уже смывал веки, здоровое спокойствие, полное лени и неги, охватывало меня всего, как вдруг я приподнялся от восторга и изумления.

Из дверей сакли вышла девушка, которую, право, можно было принять за фею. Будь здесь Гейне, попадись ему на глаза это очаровательное видение – мы имели бы прелестную горную легенду. Мне самому стало совестно, что я разинул рот перед красивой дикаркой. Представьте узкий овал лица, тонкого и изящного. Крупные черные глаза миндалинами смотрят на вас как-то робко и покорно. Это взгляд восточной женщины. Черные брови словно чуть-чуть наведены кисточкой – так правилен их изгиб; изящный носик с тонкими розовыми ноздрями, слегка раздувающимися даже и от обыкновенного дыхания, и малень-

кий рот; несколько припухшие ярко-алые губки, верхняя чуть-чуть вздернута, не безобразно, а ровно настолько, чтобы показать мелкий жемчуг зубов. А волосы хоть и скрывал уродливый шелковый мешок позади, но пряди их выбивались над небольшим лбом и назойливыми, мелкими локонами обрамляли тонкие розовые, сквозившие уши. Распустите по матовой, страстной смуглине этого лица капли две-три крови, настолько, чтобы слегка окрасить лишь щеки, проведите по готовому очерку его также едва заметные голубые линии жилок – и вы поймете, как поражен я был в первую минуту.

Желтая шелковая рубаша с широкими рукавами, перехваченная в поясе, позволяла рассмотреть покатые плечи и талию стрекозы, разом почти переходившую в широкие, роскошные линии сильно развитых бедер. Узенькая, красивая кисть руки была так идеально хороша, что становилось поневоле досадно при виде голубых бородавок цвета выцветшей персидской бирюзы, которые, как перстни, сидели на длинных пальцах еврейки...

Она заговорила что-то гортанным, приятным голосом. Я, разумеется, покачал головою. Насмешливая улыбка на одно мгновение скользнула по ее лицу и пропала... И снова робко и покорно смотрят эти выразительные глаза.

Увы! Встреченная нами фея Кай-Булагского ущелья была первой и последней красавицей среди еврейского населения Дагестана. Может быть, другие мне не попадались, но по долгу добросовестного туриста я должен поведать, что все остальные дамы воинствующего Израиля были очень непривлекательны. Между ними, сверх того, попадаются настоящие, татуированные дикарки. И без того грубые лица еще разрисованы разными фигурами, линиями, кругами, треугольниками. Всего отвратительнее, когда эти знаки наведены ярко-красною краской – точно кровью расписаны. Мне привелось даже встретить старуху, не отказавшую себе в удовольствии провести по лицу несколько черных черточек, придававших ей, по ее разумению, особенное благородство и изящество. Щеголихи с крашеными бровями и волосами очень нередки. В последнее время, по персидскому обычаю, местные дамы в некоторых аулах наводят багровые колера на старательно отросшие ногти – точно концы пальцев в крови вымочены. Все эти легкомысленные Евы в будни одеты очень скверно; не говоря о бедных, и богатые щеголяют лохмотьями... Сверх того, они весьма грязны. Англичанин, измерявший степень цивилизации количеством потребляемого данною страной мыла, пришел бы в ужас от горских евреев.

– Махлас, Махлас! – послышалось изнутри сакли.

Красавица опять заговорила что-то на своем гортанном языке, обращаясь к дверям, и прошла мимо меня, потупив глаза. Потом оказалось, что Махлас было ее имя. Выкрикивала его очень безобразная старушонка с слезившимися глазами, вся сморщенная, точно всю ее выжимали и свертывали, как свертывают и выжимают только что вымытое белье. Старуха что-то очень долго говорила мне на том же непонятном языке, я сочувственно кивал ей головою, ничего не понимая. По тому, что она взмахивала рукою на двор и произносила имя Бениогу, я догадался, что хозяина дома нет... Наконец выкрикивания старухи мне надоели, тем более что с каждым словом она подходила все ближе и ближе, обдавая меня обильным запахом чеснока. Надо было положить предел ее красноречию, и я вдруг с апломбом разразился столь же продолжительною речью на русском языке. Вежливость за вежливость. Старуха столь же внимательно выслушала меня до конца и не менее сочувственно покачивала головою.

– Шашлык?.. Гох шашлык? – задал я ей вопрос в заключение моей речи.

Она быстро забормотала что-то и опять стала выкрикивать:

– Махлас, Махлас!

Фея показалась, но с выражением большого неудовольствия. Я все-таки понял, что дело идет о заказанном мною шашлыке, и было успокоился, как вдруг старуха налетела на девушку и давай орать ей прямо в лицо. Та тоже не осталась в долгу. Брань посыпалась обо-

юдная. И та и другая отчаянно размахивали руками, то налетая, то расходясь. Замечательно, что, бранясь, они почему-то выгибались телом во все стороны. Гвалт был страшный. Наконец старуха схватилась за мешок, в который была упрятана коса красавицы, и, вопя, как зарезанная, кинулась из сакли, увлекая за собой не менее крикливую фею. Через минуту девушка вошла вся разгоревшаяся, мечта молниями точно округлившихся глаз и не умолкая ни на одну минуту.

Я решился не обращать внимания на ее крики и вынул записную книжку, чтобы внести туда несколько заметок.

Только я взял карандаш в руки, девушка разом смолкла и с выражением крайнего любопытства уставилась на меня. Я стал писать – подошла, наклонилась. Верно, и этого ей мало показалось, просунула голову между моей головой и книжкой. Положение было не из завидных. Розовое сквозное ухо дразнило меня, а тут еще от головы пахнет какими-то цветами, раздражающе пахнет. Стал я ей показывать рисунки – уселась рядом, глаза так и разгораются. Бинокль увидела – показывает на него; дал я ей – возилась, возилась, чуть не заплакала, допытываясь, чему он служит. Я ей показал – захлопала в ладоши и захохотала. Потом пенсне с носу стащила, себе надела, да видно, глаза заболели, как-то особенно уморительно заморгала и кинула прочь....

– Урус якши! – повторяла она, бесцеремонно роясь в моей дорожной сумке. Добралась до какой-то фотографической карточки... вдруг отбросила ее прочь, точно та обожгла ей пальцы. На лице страх, и такой искренний, что я засмеялся опять. Обиженно заболтала что-то по-своему, но рыться все-таки не прекратила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.